

Леонид Овтин

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Вампирия

Леонид Овтин

Вампирия

«Автор»

2019

Овтин Л.

Вампирия / Л. Овтин — «Автор», 2019

Николай Ухабов, патологоанатом с задатками ушлого бизнесмена, узнав о "вампиризме", бушевавшем в поселке Сосново столетие назад, решает нажиться на этой идее - посредством разворовывания могил и оболванивания населения. А заодно и за счет этого - поднять свой социальный статус. К чему приведут мечты и амбиции Ухабова за пять лет скитаний среди коллег, селян и близких? Содержит нецензурную брань.

© Овтин Л., 2019

© Автор, 2019

Леонид Овтин

Вампирия

1

Николай вел свой «ленд ровер» аккуратно, лавируя на небольших ухабах и маневренно сворачивая на крутых поворотах. Ольга, притомленная после ночной гулянки, в своем привычном полудепрессивном настроении, дремала, откинувшись на спинку сиденья.

Когда Николай свернул к кладбищу, Ольга открыла глаза и с легкой тревогой начала вглядываться в кресты и памятники.

– Вон, прямоугольник с заостренным углом. – Сказала она Николаю, указывая сквозь лобовое стекло на громоздкий памятник.

– Да, красивый прямоугольник.

Самодовольная улыбка и отстраненный тон голоса молодого человека взбесили Ольгу. Она раздраженно хлопнула по бардачку и с шумным вздохом выкрикнула: – Дело не в том, что красивый!

– А в чем? – сдержанно спросил Николай, уже привыкший к истеричному поведению своей девушки.

– Помнишь, я тебе говорила?

– Да помнить-то я помню. – Недовольно и не сразу ответил молодой человек. – Но вот только рискованное это дело, Ольга. Ты ж сама понимаешь...

Успокаивающе-снисходительная улыбка и приятный тон бархатного баритона успокоили рассерженную девицу.

– Кто не рискует, тот не пьет. А я – пью, хоть и редко. – Ольга говорила совсем спокойно, но в ее глазах играли какие-то недобрые огоньки. Зная, что Николая это немного пугает, она взъерошила его волосы и, томно улыбнувшись, спросила с придыханием: – Правда, Коля?

– Правда, Оля. – Ответил Коля, зная, что другой ответ вызовет у его невесты бурю негативных эмоций. – Только вот как бы это рискнуть без морального ущерба. Социальный – так это болт с ним. А вот моральный...

Оля брезгливо поморщилась: ее жених такой щепетильный, такой благочестивый, и такой мелочный. Знает, что могилы никем не охраняются, если, конечно, не считать полуживого старика, который постоянно спит в полуразваленной хатке неподалеку от кладбища. Так этому «кадру» можно просто дать на бутылочку, или, если он вдруг не употребляет такового, просто оглушить на время электро-шокером. А если сюда заглянет кто-нибудь из деревенских жителей и случайно увидит Коляна, вскапывающего могилу, так можно сказать, что он из какой-нибудь инстанции, которая проверяет землю на вредность: мол, в городе близ этой деревни началась эпидемия, а причина – в кладбище, поэтому и исследуют землю в городе и в самой деревне. А почему именно вскапывают землю этой, так сказать, хорошо приметной могилы?.. Да потому что большие памятники, изготовленные из дорогого материала, при соприкосновении с землей образуют некую вредность, и так далее, и тому подобное.

Остановив автомобиль у одной из самых неприметных могил, Колян заглушил мотор и вопросительно посмотрел на свою невесту: – И какой у вас план, Ольга Евгеньевна?

– Я думала, мы его вместе составим. – Воодушевленно, уже безо всякого намека на истерику, ответила девушка. – Вообще-то идея должна исходить от мужчины. Правильно?

– Правильно. – После недолгого раздумья ответил молодой мужчина. – Я считаю, нужно походить по хатам – поспрашивать, кто похоронен под могилой такой-то или эдакой-то. Чтобы просто зарисоваться в деревне. – Выдержав театральную паузу в надежде увидеть в лице своей возлюбленной признаки негодования или хотя бы легкого недоумения, молодой человек продолжил: – Просто зарисоваться – чтобы в случае чего никто не считал, что мы скрытно дей-

ствовали. Те, с кем мы поконтачим, подтвердят, что мы намеренно интересовались кладбищем, не желая ни от кого скрыть нашу заинтересованность. Соответственно, наши отговорки – типа мы по поручению какой-нибудь «шишки» роем могилу ради того, чтобы взять кости, или то, что от них осталось... Если от них еще что осталось...

Ольга прыснула смехом. Жених беззвучно поддержал ее, после чего продолжил: – Взять, в общем, материал на экспертизу – чтобы доказать той «шишке», что это ни его родственник захоронен в этой деревне. Вот такая у меня идея.

– Не плохая идея. – Безо всякой иронии и смеха ответила Ольга. Она вдруг стала не на шутку серьезной и вдумчивой. Идея Коляна ей, безусловно, понравилась. Она была ничуть не хуже ее идеи – со ссылкой на вредность земли и гранитных памятников.

– Только вот если кто вызовется помогать нам копать?.. Или, еще хуже, вызовет милицию, или какого надсмотрщика, или еще какую-нибудь помехующую помеху...

– Предоставь это мне. – Решительно заявила Ольга, с усмешкой глядя на удрученный взгляд своего суженого.

Изящная ладонь девушки легла на крепкий загривок Николая. Тут же его лицо, уставшее от беспокойства по поводу морального ущерба, воодушевилось. Губы молодых людей слились в долгом сочном поцелуе. За этот сравнительно недолгий период ручка Ольги расстегнула пиджак Коляна и полезла ниже.

– Давай-ка переместимся назад. – Предложил Николай, уже до предела возбужденный от шалостей своей будущей жены.

– Нет, я хочу возле могилы. – Прошептала Ольга, стаскивая одной рукой пиджак с Коляна, а другой – расстегивая ему рубашку.

– Не надо, Оленька. – Умоляюще пропел Николай, нежно массируя тонкую шейку своей девушки.

– А я хочу! – Беззлобно, но жестко настаивала Ольга. – Здесь никто не ходит, не боись.

Ничего не поделаешь; если женщина просит, надо делать. Тем более, если просит женщина такого склада характера, как Ольга. Неподчинение в подобных случаях карается непомерным гневом и угрозой разорвать отношения. А подобных выходов Николай уже натерпелся.

Однажды, когда они вместе с Ольгой и его друзьями праздновали его двадцать пятый день рождения, Ольга, уже будучи в состоянии заметного алкогольного опьянения, уставшая от долгого и активного общения с гостями, во всеулышание заявила, что ее любимый мужчина должен в конце празднования своего юбилея устроить сексуальную оргию. На вопрос товарищей: «Почему именно оргию?» ответила: «Потому что двадцать пять лет – это четверть века, который мужчина уже прожил».

Гости не протестовали: все хорошо знали норы Колиной зазнобы. Но оргии все же не случилось. На следующий день, узнав, что оргия не состоялась благодаря вмешательству Николая, Ольга закатила ему истерику и ушла жить к маме.

Через полтора месяца она вернулась, мягко упрекнув Николая в том, что он сам был причиной ее ухода. С тех пор прошло уже четыре года. И практически каждые полгода из этих четырех лет Ольга выкидывала подобные фокусы. И всегда основанием для этих выходов была, как думала сама Ольга, чрезмерная сексуальная зажатость ее мужчины.

2

Выходя из леса, Владимир Полешук заметил незнакомую иномарку на территории близлежащего кладбища. Это была однозначно нездешняя машина. Всего иномарок в деревне было двенадцать штук. Полешук знал их, так же как и знал их хозяев. «Ленд ровера» не было ни у кого. Владимир бы и не заинтересовался этим автомобилем, если бы тот не стоял одним коле-

сом на площади неогороженной могилы. Жители Сосново никогда не позволяли себе таких неаккуратностей.

Владимир возвратился в лес, спрятал корзину с грибами в ягодном кустарнике, и решительно направился к сторожке, в которой должен был находиться сторож кладбища. «Должен был» – потому что этого сторожа как будто и не было на кладбище. Он либо спал глубоким сном, либо просто бродил недалеко в лесу. На замечания жителей Сосново по поводу его отсутствия, престарелый Яким отвечал, что собирает грибы – так как на нищенскую зарплату сторожа не может купить нормального кушанья. Никто ему не верил – так как не раз видели его в лесу безо всяких грибов, но с бутылкой дымчато-белой жидкости. Но и спорить с ним никто не хотел – таким тихим и безобидным был сторож Яким.

Стукнув ладонью по иссохшей деревянной двери сторожки, Полешук подождал полминуты. Затем дернул дверь. Дверь не поддавалась.

– Яким Васильич, ты что, уже на рабочем месте «зеленого змия» потребляешь?

Ответа не последовало. Вполне может быть, что старик отошел в мир иной. Как никак уже под восемьдесят, да и здоровье не ахти. Но чего-то не хотелось Владимиру Полешуку верить в это. На то было две причины. Первая – не было никакого предчувствия, какое у него обычно бывает, если в деревне кто-то приставляется. Вторая – «ленд ровер», хозяева которого могли задобрить Якима деньгами и отправить погулять по лесу. А отправить гулять сторожа кладбища у хозяев могла быть только одна причина. Среди жителей деревни бытовал слух, что на этом кладбище покоятся тела с драгоценностями, за которые можно получить баснословные деньги. Сам Полешук в это не верил, но он твердо знал, что в это верят молодые люди из близлежащих городов. Не исключено, что именно сейчас они и решили попытаться счастья – то есть, исследовать могилы на предмет драгоценностей.

Вынув из кармана штанов перочинный нож, Владимир поковырял им в замочной скважине. Замок не поддавался. Он вспомнил слова сторожа: «Сторожка – пни и развалится, а замок никакой отмычкой не откроешь. Хош – убедись практически...» Сейчас Владимир убедился в этом практически. Пинать сторожку, чтобы развалить ее, не хотелось. Во-первых, ее можно реконструировать; во-вторых, там все-таки может находиться вусмерть пьяный (или того хуже – мертвый) Яким.

Приглядевшись к иномарке, и не увидев в ней никого, Полешук задумался. Раз хозяев нету в машине, – значит, они должны быть возле нее, или хотя бы неподалеку. Что они могут делать неподалеку? Конечно, прицениваться к захоронениям!

Сделав несколько шагов в направлении к «ленд роверу», Полешук застыл на месте. Стоны, похожие на уханье совы, не на шутку напугали его. Причем, стоны эти доносились не сверху, а с земли, и принадлежали, судя по всему, двоим людям разного пола. С трудом убрав с лица брезгливо-тревожную гримасу, Владимир начал прислушиваться. Быстро определив, откуда доносятся эти непонятные звуки, мужчина продолжил путь.

Пройдя метров сто, он снова остановился. На этот раз остолбенеть его заставила следующая картина. Прямо возле могильной плиты стояла молодая пара, слившись в горячем поцелуе. Полешук не понимал, каким это надо быть горячим, чтобы наслаждаться любовными утехами на самом кладбище – где душа и разум должны быть либо умиротворенными, либо в трауре.

Брезгливо отвернувшись, Полешук побрел в обратном направлении. Подойдя к сторожке, он зашел за нее – чтобы молодые люди, случайно заметив его, не чувствовали себя очень неудобно. В том, что даже таким бесстыдникам свойственна стыдливость в самые пикантные моменты, Владимир сильно сомневался, но не исключал. Не исключал вовсе не потому, что считал их морально устойчивыми, а потому что сам видел, как именно такие пикантные моменты заставляют взяться за ум таких, казалось бы, пропавших личностей, как Яков Никитин и Полина Глушко. Один был беспробудным пьяницей, по уши завязшим в долгах; другая –

продажной девкой. Случай, который заставил их вернуться к нормальной жизни, схож с этим, – с той лишь разницей, что сейчас молодые люди остались незамеченными.

Почему вспышка стыда заставила стать Яшку и Полинку нормальными людьми, – неизвестно. О том, что они бесстыдно предавались разврату возле дома Полинки, забыли. Вернее, просто не вспоминали. Не вспомнили об этом даже отъявленные любители посплетничать, когда напились в дрезину на свадьбе Полины. О грешке Якова не вспоминают по другой причине – сейчас он занимает должность бригадира автослесарей на сельском заводе, в котором буквально год назад числился слесарем.

Неспешно выкурив сигарету, Полешук осторожно выглянул – чтобы посмотреть, не закончили ли молодые люди свою оргию. Молодые люди уже не предавались разврату, но еще не были готовы к общению. Молодой мужчина не спеша застегивал брюки, а его спутница беспечно курила, привалившись спиной к гранитному памятнику.

Закурив очередную сигарету, Владимир выждал несколько минут. Затем вышел из-за сторожки, стараясь придать вид человека, прошедшего порядочное расстояние, и пошagal к молодым развратникам. Парень, заметив идущего человека, встрепенулся, остановился, не дойдя до своего автомобиля несколько шагов. Молодая женщина, ничуть не замедляя шаг, снисходительно взглянула на нежданного гостя, что-то шепнула своему мужчине, и спряталась в «ленд ровере».

– Здравствуйте! – Агрессивно протянул молодой мужчина, когда незнакомец приблизился к нему на расстояние нескольких шагов.

– Здравствуйте, молодые люди. – Полешук попытался добродушно улыбнуться, но у него это плохо получилось. Вместо улыбки получилось что-то вроде нагло-обиженной ухмылки. – Вы Якима не видали?

– Какого Якима? – Николай продолжал изображать из себя надменного мужлана, готового в любой момент к рукопашной схватке. – Сторожа что-ли?

– Сторожа, сторожа. – Как можно спокойнее ответил Полешук, резко укорачивая расстояние между собеседником. – А вы чего так недобро со мной разговариваете?! Али вы новый хозяин кладбища?! Может, я виноват, – на вашей территории без дозвола!

– Нет-нет, – немедленно ответил Николай, потупив взгляд. – Просто я немного не в духе.

– Я тоже! – Полешук злобно сверкнул глазами. – Может, раскинем здоровьице?!

Владимир тут же пожалел, что дал своему гневу вылиться наружу. Ростом этот молодец ему уступает, но телосложением немного превосходит. В молодости Полешук занимался боксом, и не раз видел, как крепкие парни среднего роста на ринге давали фору длинным «сухарям» вроде него. Не исключено, что он одолеет этого зарвавшегося мужичка, но надо будет очень постараться. Кроме того, Полешук опасался, что об этой драке узнают селяне. А прослыть кладбищенским дебоширом в сорок восемь лет – это позор. Страшный позор!

– Неудобно при даме. – Николай хищно улыбнулся.

– Это правильно. Да я и не хотел. Ты извини, погорячился. А погорячился – потому что вы немного не уважаете кладбище. Понимаешь?

– Не совсем.

– У нас на кладбище машины ставят возле могил, а не на самой могиле. Это признак крайнего неуважения к покоящимся. Ну, я думаю, мы друг друга поняли?..

– Поняли, конечно, о чем разговор. – Николай душевно улыбнулся нежданному гостю – в надежде, что тот сейчас же направится к воротам кладбища. Но селянин и не собирался уходить. Он стоял по стойке смирно, и всем своим видом показывал молодому человеку, что не тронется с места, пока тот не исполнит его настоятельную просьбу.

– А если хотите, можете вообще покинуть территорию кладбища... – вкрадчиво добавил Полешук.

Николай, мгновенно сменившись в лице, юркнул в машину, завел мотор. «Ленд ровер» медленно развернулся на месте, и направился в сторону кладбищенских ворот. Полешук, идя вслед за иномаркой, наблюдал за молодыми людьми. Спутница водителя иномарки почему-то была до предела возмущена, она что-то кричала и молотила его по плечу. Ее поведение вызвало у селянина вспышку глупого смеха.

3

Немного успокоившись, Ольга помолчала несколько минут, а затем принялась снова выражать свои эмоции – в этот раз уже без рукоприкладства и менее эмоционально.

– Не, ну то, что деревня – это понятно! Но на кладбище мог бы прийти в чем-нибудь получше. Не зря же говорят: деревенщина ты!

– Да, что есть, то есть, – с меланхолической ухмылкой поддержал ее Николай, и тут же заметил, как Ольга снова изменилась в лице. От чего? Неужели сейчас последует новая волна криков, упреков и молочений по телу?!

– Черт! – взвизгнула Ольга, прикладывая ладонь к покрасневшему лицу. – Я же забыла там своего маленького!

Женщина не сходила с ума. Она просто вспомнила, что забыла на кладбище свой мобильный телефон. Порывшись в сумочке, и, не найдя там желаемой вещи, Ольга велела своему жениху разворачиваться и ехать обратно.

Въехав на территорию кладбища, Николай к своей радости не увидел там «деревенщину». Он очень этого не хотел. Получилось бы, что он струсил его при своей будущей жене, а теперь исподтишка, выждав некоторое время, вернулся обратно... Нет, это совсем не по-мужски. Кроме того, этот селянин начал бы подозревать их в шпионстве, воровстве, и прочей глупости, и ему пришлось бы оправдываться перед ним... А это не то, что не по-мужски, это вообще глупо и низко. А сказать, что приехали за мобильником, который забыли у могилы – это бы вряд ли помогло... Глупый мужик (все деревенские жители почему-то считались у него глупыми) мог бы все равно заподозрить, что они специально забыли аппарат – чтобы вернуться в надежде, что он уже ушел, и не будет мешать их грязным делам.

Подъехав к сторожке, Николай остановил машину и как можно нежнее попросил Ольгу: – Ты иди за «своим маленьким», а я свечи посмотрю... Не буду же я в машине рыться возле могилы...

К его удивлению, подруга даже внешне не возмутилась. Подождав, пока Ольга отойдет на приличное расстояние, Колян направился к могиле, что находилась неподалеку от сторожки. Эту могилу он отметил еще когда первый раз въехал на кладбище. Могила немного отличалась от других. Она была по-старинному оформлена – памятник с портретом на манер начала двадцатого века. Сам памятник тоже – судя по внешнему виду – поставлен лет сто назад. Табличка с именем и годами жизни тоже была блеклой, но вся эта невзрачность и готический стиль оградки придавали всей могиле некую величественную и вместе с тем пугающую красоту.

Интерес Ольги и Николая к старым кладбищенским памятникам деревни Сосново был основан на простой меркантильной потребности. Один товарищ Николая как-то сказал, что на кладбище Сосново похоронены богатые люди. Причем, похоронены они с украшениями и прочими дорогущими принадлежностями. Товарища, который это говорил, звали Костя. Разговор случился на вечеринке, в ночном клубе «Энергия». Можно было подумать, что разговор и не заслуживает особого внимания, если бы его не говорил Костя. Костя тогда был трезвым. Кроме того, это был один из тех товарищей Коляна, которые чураются подобных вечеринок, а посещают их просто из солидарности, так сказать, чтобы друзья не подумали, что те считают их социально нездоровыми личностями.

Костя так и сказал: «Некоторые покойники... Очень старые!.. Похоронены с перстнями, кольцами, кулонами, которые стоят черте-сколько». Николай, который был уже не совсем

трезв, хотел уточнить, сколько могут стоить эти дорогие побрякушки, но Ольга, хоть и была уже в более тяжелой стадии опьянения, ткнула ему пальцем в ребро и незаметно шепнула на ухо: «Тише! потом уточнишь у Кости – что к чему!..»

Николай внял совету своей пассии. На следующий день он пришел к Косте – чтобы одолжить денег на опохмел, и, как бы невзначай, спросил: «А что ты там вчера нам втюхивал?.. Кто-то нашел в деревне покойников с дорогими украшениями?». Костя сначала не хотел вдаваться в подробности, сославшись на то, что вчера тоже был немного подшофе и позволил себе немного анекдотических разговоров, но – по глазам товарища – понял, что тот глубоко сомневается, что его товарищ, психиатр, которого знают как одного из лучших специалистов, позволяет себе нести околесицу. Пришлось рассказать Коле правду.

Правда заключалась в том, что в деревне Сосново действительно есть «ценные» могилы, которые отличаются от «дешевых» сильной потертостью и старинной фактурой. Костя в сущности повторил свои вчерашние слова. Только добавил, что похищать эти ценности лучше очень осторожно. Когда Колян, зачарованный рассказом товарища, изобразил на своем лице нечто вроде презрительно-лукавой усмешки,

Костя пояснил: «Сторож там – полутруп. Это да. Но такое хищение карается очень жестко. А похитить «клад» – вполне реально, только сложно. Никто не знает... или почти никто... но кладбище – практически сквозное»

Николай понимал, что значит «кладбище – почти сквозное». Он также понимал, что может получить за это хищение солидный срок. Но все-таки решился на преступление. Решился – потому что работа патологоанатома ему уже порядочно осточертела. А деньги были нужны. Не просто нужны. Крайне нужны. На свадьбу, которую нужно сделать в лучшем ресторане, с лимузином, и пригласить не менее сотни гостей. На дом – загородный, пусть не двухэтажный, но со всеми удобствами, дубовыми полами, садом и – хотя бы маленьким – тренажерным залом. На собаку – если не на ротвейлера с родословной, то хотя бы на красивую собаку крупной породы. И на ребенка – на вещи, на игрушки, на «элитный» детский садик, на комнатку, в которой его отпрыск будет чувствовать себя очень комфортно. И, конечно же, на Ольгу... На что конкретно Ольге нужны деньги, Колян не думал. Он был уже не так молод, чтобы не знать, что таким как Ольга нужна безграничная сумма денег.

4

Выйдя за пределы кладбища, Владимир Полешук снова направился в лес. Он шел туда, чтобы просто затаиться и понаблюдать за дальнейшими действиями молодой пары. Что-то подсказывало ему, что они вернуться, если не сразу, то спустя некоторое время. Так и случилось. Спустя буквально десять минут, «ленд ровер» снова двинулся в направлении кладбища.

Подождав, пока черная иномарка въедет на территорию кладбища, Владимир решил пойти посмотреть – правильно ли этот «морячок» (так он мысленно окрестил Николая – за широкие плечи и мускулистый торс) поставил автомобиль, или нет. Если черная машина снова стоит за чертой могилы, – держись, молодой моряк!..

Полешук вышел из леса и решительно направился к кладбищу. Когда он прошел метров сто, какой-то звук – нечто среднее между приглушенным криком и ворчанием зверя – остановил его. Владимир оглянулся назад, и увидел высоченного мужика, идущего в его направлении неуклюжей походкой. Человек был намного выше среднего роста, атлетически сложен. Он прихрамывал на одну ногу. Правая рука человека была согнута в локте – будто он нес что-то подмышкой, а левая – будто парализованная – болталась вдоль торса.

При виде верзилы Полешук тяжело вздохнул. Этот его вздох не был вызван ни страхом, ни каким-либо дурным предчувствием. Владимир так вздохнул – потому что этот высоченный атлет напомнил ему нелепый и страшный случай, в котором этот верзила принимал прямое участие.

Случай произошел примерно год назад. Была душная звездная ночь. Два селянина – Артем Ухарев и Алексей Елопов – собрались поживиться сокровищами «дорогих» могил. О кладбищенском стороже Артем позаботился заранее – вечером напоил его зельем, которое позволяет – по словам самого Артема – и спать хорошо, и звуки шагов слышать. «А звуки шагов слышать надо, – уверял Ухарев сторожа, щедро наливая тому полную кружку «зелья». – Кладбище иногда обзаводится нарушителями. Если ты их, дядя Яким, словишь, тебе премию дадут»

Два товарища-расхитителя на всякий случай дернули дверцу сторожки. Дверь, как ожидалось, оказалась заперта. Тогда один из друзей сильно стукнул в дверь ногой – глухо. Все, как и должно быть, – сторож спит. Свобода. Удовлетворенно перемигнувшись друг с дружкой, расхитители приступили к делу.

Артем, уже поднаторевший в этом грязном деле, быстро докопался до гроба и начал вскрывать крышку. Елопов тем временем стоял на стреме. Ночью все спят. Раньше четырех утра никто не гуляет, не считая одуревшей молодежи. Но и те не заходят на кладбище – потому что после дискотеки уже еле доходят до своих домов, а дискотека – более чем в десяти километрах от кладбища. О том, что дядя Яким наблюдает за ними из-за ворот кладбища, мужики, конечно же, не догадывались.

Старик Яким видел все – как внезапно невесть откуда появилось чудище выше двух метров ростом, как оно бросилось на Алексея Елопова. . . И как Артем Ухарев, глядя из могилы на товарища, которого вздымает кверху высоченный урод, не мог пошевелиться, а потом – когда Алексей был со всего размаху нанизан на острые штыри оградки, в ужасе долго кричал.

Старик Яким специально не шел на помощь молодым людям, хоть и знал, как справиться с верзилой. Это был раб барина Ясенева, человек могучего телосложения и исполинского роста. Имени его не знал никто. Его привез из города барин Яснев, прозванный барином за то, что двухэтажный особняк, заметно контрастирующий среди рядов одноэтажных хат, большинство которых было деревянными и имели не более двух, а то и вовсе одной, комнат. Яснев наверняка знал как зовут человека, но называл его просто «негр», хоть у того и отсутствовали все внешние признаки афроамериканца.

Все в деревне также звали раба-исполина негром. Негр практически не разговаривал. Внешне он был не похож на человека с психическими отклонениями, но о том, что они у него были, узнали почти сразу, как Александр Захарович (так звали барина Ясенева) привез его. Негр жил в хлеву – это было видно с соседних дворов. Пил и ел он тоже в хлеву. Часто получал от хозяина выговоры – в виде криков и легких пинков. Нормальный человек, разумеется, не может вести такой образ жизни. Также нормальный человек не сможет оставаться безответным, когда его за малейшие огрехи поносят последними ругательствами и не чураются рукоприкладства.

Негр не только был безответным, но и был у барина Ясенева вместо сторожевой собаки. Он не лаял, не кусался, но при слове «фас» энергично подходил к забору и заунывным сиплым басом требовательно спрашивал: «Кто?» И сразу же, не дожидаясь ответа, открывал ворота. Если там оказывался человек, Негр бесцеремонно хватал его за одежду и отбрасывал подальше от ворот. Если за воротами не оказывалось никого (это бывало часто: любители одалживать деньги исчезали, услышав, как «барин» кричит своему «псу» "фас"), исполин зачем-то хлопал ладонями по калитке (толи в отчаянии, если таковое вообще может быть у таких как Негр, толи просто какой-то условный рефлекс) и возвращался в хлев.

Глядя как верзила расправляется с товарищем, Артем кричал страшным криком. Орал минуты две, изредка делая короткие заминки и убирая подрагивающие руки от лица. Затем

умолк и направился к лесу. Выходя за ворота кладбища, он даже не заметил стоящего там сторожа. А сторож заметил, что Артем не просто изменился в лице, но, скорее всего, изменился и в душе... Он так и сказал Полешуку: «Видать, душенька Артемки теперь больная...» На вопрос Полешука: «А чего ж не отозвал дебила?» сторож ответил с хитрым прищуром: «А-а!.. Пусть вот так и будет! Все получили свое! По заслугам ведь, правда?!» На самом деле это была вторая причина. Первая причина была в том, что старик Яким сам был в состоянии, близком к состоянию оставшегося в живых расхитителя. Он едва сдержался, чтобы не закричать, когда видел, как исполин расправляется с Андреем.

То, что у Артемки после той страшной ночи заболела душа, стало известно всем его коллегам по работе. Ухарев работал токарем на заводе. Токарь он был не сказать, что хороший, но вполне не плохой. Бригадир с ним ладил, хоть и часто в разговоре с директором шутливо жаловался, что Ухарь некий немного не от мира сего. Когда Артем Ухарев начал заговаривать сам с собой на перекурах, бригадир решил, что это просто ярче проявилось его «неотмирасе-гошество», и скоро пройдет. Но случилось наоборот. Артем начал говорить сам с собой не только на перекурах, но и при работе. И случалось это довольно часто. Потом стало еще хуже – Ухарь стал вести себя так, будто рядом никого нет. Он говорил с невидимым собеседником, смеялся. Между этими разговорами он оглядывался по сторонам – посмотреть на коллег, которые, изо всех сил стараются не обращать на него внимания. Если кто-то все же не успевал отвести взгляд, Артем страдальчески морщился, долго молчал. Потом вновь заговаривал сам с собой.

Полешук после страшного рассказа сторожа хотел все сообщить милиции, но, подумав, не стал этого делать. Зачем сообщать в милицию?.. кого наказывать?.. Негра? Тому все равно – что в тюрьме доживать свою никчемную жизнь, что в доме (вернее, в хлеве) у Ясенева. А доказать, что это барин его натравил – это еще постараться надо... Кроме Полешука и кладбищенского сторожа об этом страшном случае долго никто ничего не знал. Узнали только после того, как Артем, уже прославивший на своем заводе «шаманчиком» (именно за то, что вел себя как умалишенный) начал чуть ли не каждому встречному популярно рассказывать все подробности того кошмарного случая.

Пройдя мимо Полешука, исполин машинально кивнул, даже не удостоив того мимолетным взглядом. Владимир не обижался – он знал, что этот человек-овощ даже не знает, зачем он кивает при встрече с людьми.

Это хозяин-барин научил его так здороваться. А вот то, что надо смотреть на человека при встрече, не объяснил. Ну и пусть. Зачем эти прописные истины человеку-зобми...

Полешук долго глядел вслед «зомби». Он понимал в душе, что это – человек-растение. Но как можно, будучи человеком-растением, двигаться целенаправленно и не забывать выполнять указания хозяина, у Владимира в голове не укладывалось. Вот он и глядел вслед этому верзиле, раздумывая, то-ли сочувствовать ему, то-ли не засорять голову ненужными эмоциями.

Решив все же не дурить себе голову ненужными сочувствиями, Полешук двинулся дальше – к воротам кладбища. Зайдя на кладбище, он увидел, как молодая женщина подходит к «морячку», который с умным видом зачем-то смотрит на памятник, и, трепетно сжимая в ладонях мобильный телефон, что-то говорит. При этом у девицы едва не льются слезы, а ее партнер почему-то остается задумчивым и равнодушным к ее эмоциям... Вполне возможно, она ему нужна также как Негр был нужен своему хозяину – для определенных целей, но вовсе не для души...

Сметая со станка стружку, Аркан задержал взгляд на фотографии с изображением красивой стройной блондинки. Кто это? Возлюбленная Артема Ухарева? Или, может быть, невеста?.. Это вряд ли. При этих мыслях Аркадий Анненков невольно усмехнулся. Его насмешили не столько сами воспоминания о бывшем владельце токарного станка, сколько мысли о том, что у того могла быть женщина. Артем сам был похож на женщину – нечто среднее между пухлощеккой деревенской бабой с бочкообразной фигурой и подростком с признаками преждевременного старения. Такие полубабы-полумальчики, если и могут иметь женщин, то уж точно не таких как на этой фотографии.

Если бы Аркадий работал немного дольше, он бы знал, что Артем – до того, как стал психически нездоровым, имел твердый характер и был душой компании. Такие как он вполне нравятся любым женщинам. А вот таких как сам Аркан женщины жаловали не особо. Обладавая красивым, немного смазливym, лицом, спортивным телосложением и почти двухметровым ростом, Анненков не имел большого успеха у женщин. Да и коллеги по цеху не особо водили с ним дружбу. Аркан почти с первого дня понял, что не будет «своим человеком» на работе. Такая участь – у всех полумизантропов, которые вроде как общаются, вроде бы участвуют в жизни рабочего коллектива, вроде бы немного злоупотребляют спиртными напитками и нецензурной бранью, но делают это все как-то без искры, будто снисходительно, будто считают себя выше всего этого, но сами боятся в этом признаться.

Закончив с наведением марафета на рабочем месте, Анненков еще раз глянул на изображение блондинки и глубоко задумался. Если это никакая ни невеста, и даже не возлюбленная, то зачем же Ухарь зафиксировал ее на своем станке, да еще и прямо перед носом, у самой лампы?.. Видно, что это не картинка, а самая настоящая фотография... Специально приклеил на станок фотокарточку с красавицей – чтобы завидовали коллеги?.. От этой мысли Аркану снова стало смешно. В этот раз усмехнуться ему помешал легкий протяжный скрип двери.

В цех вошел Артем Ухарев. Будто не замечая Аркана, который с недоуменной ухмылкой глядел на него с высоты своего роста, бывший токарь подошел к станку и умиленно поглядел на фотографию, которую минуту назад созерцал Аркадий.

– Здравствуй, Артем. – Аркадий широко улыбнулся и протянул бывшему коллеге руку, но тот даже не оглянулся.

– Черт, предупреждала она меня... – Тихо простонал Артем. Его пухлые короткие пальцы нервно теребили легкий пушок на щеках. А лицо было преисполнено глубокой скорби.

Чтобы скрыть замешательство, которое грозило перейти в легкий шок, Анненков снова заставил себя широко улыбнуться, и промолвил: – Про кого голоса, того черти...

Он не успел договорить поговорку – Ухарь, как ошпаренный, подскочил к нему почти вплотную; в глазах его читалось одновременно глубокое отчаяние и сильный страх. Особенно пугало Аркана то, что все эти эмоции исходили от нездорового человека.

– Кто про меня голосит? – Скороговоркой проговорил Ухарь. Подождав немного – пока глаза его товарища перестанут беспокойно бегать, он повторил, уже более спокойно и медленно: – Кто про меня говорит, Аркадий?

– Пословица такая. – Плохо совладея с голосом, почти шепотом ответил Аркан. – Про кого голоса, того и черти носят.

– Так вот я и спрашиваю, Аркадий. – Нетерпеливо теребя полу робы токаря, спросил Артем. – Кто про меня чего говорит? Что вспоминает? Кто вспоминает?

– Ничего особенного. Так, вспоминают иногда: был Артем, работал, этот станок – с кошёлкой у лампочки – его. Кстати, что это за кошёлка? – Заметив, как собеседник поник, Аркан хотел было усмехнуться, но не смог. Ухарь, будто читая его мысли, резко глянул на него снизу вверх, и, агрессивно сдвинув брови, бросил: – Кошелка – метр девяносто в холке!

– Так это ж не по твоему росточку. – Не сразу ответил токарь. – Или вы просто друзья?

Его вопрос бывший токарь уже не слышал. Или просто делал вид, что не слышал. Или слышал, но не обратил внимания. Когда психически ненормальный индивид идет к выходу, а ему вслед что-то говорят, трудно понять, что он на самом деле думает и чувствует. Особенно когда он оставляет собеседника без ответа и даже не удосуживается глянуть в его сторону. Возможно, Артем Ухарев и та девушка с фото были не только друзьями, хоть у них была существенная разница в росте и возрасте. Иначе бы Артем не отреагировал так агрессивно и не поторопился покинуть цех.

– Видать, обиделся серьезно. – Это Аркан заключил, глядя на грохочущую дверь, которую небрежно толкнул уходящий Ухарь. Но еще больше его беспокоило то, что эта блондинка, беспечно глядящая на него с панели токарного станка, все же каким-то образом связана с этим карлсоноподобным психопатом. Почему девица, примерно его возраста и почти его роста (если, конечно, Ухарь не соврал сторяча) предпочла недоростка с телом развевшейся бабы и неказистым лицом с носом-картошкой и свиными глазками?..

Почему они все предпочитают черте-что вместо идеала?.. Идеалом Аркан, разумеется, считал себя. Причем, идеалом не только внешне, но и интеллектуально. О том, что простые деревенские женщины не особо жаловали его именно из-за этого интеллектуального совершенства, он не догадывался.

Когда Аркадий начал переодеваться, снова скрипнула дверь токарного цеха. «Решил не обижаться...» – подумал Аркадий, надевая робу, которую уже почти снял. Но это был не Ухарь, а незнакомый молодой человек.

– Добрый день. – Поздоровался мужчина.

– Добрый. – Токарь учтиво кивнул: – Чем могу быть полезен? Если насчет что выточить – извините, – Аркан показал на электронные часы, висящие прямо над станком. – Время уже практически нерабочее. Завтра с утра – пожалуйста.

– Нет, спасибо. Мне бы Артема Ухарева найти...

– А он уже не работает. Я за него. Между прочим, я ничуть не хуже.

– Нет, мне не нужен токарь. – Немного подумав, ответил незнакомец.

– Вы определитесь, кто вам нужен, – снисходительно усмехнулся Аркан. – Если сомневаетесь в моих способностях, так вон, детальки лежат, оцените...

– Нет-нет, мне нужен именно Артем Ухарев. – Ответил молодой человек, и, видя по глазам токаря, что тот его не совсем понимает, пояснил: – Не по токарному вопросу... Чисто по житейскому.

Рука молодого станочника, теребящая воротник робы, безвольно опустилась, а лицо стало мрачным. Он будто постарел лет на десять.

– Что, он еще и чисто житейские вопросы решает? – после долгого и тяжелого раздумья спросил Аркан. В городе, где он жил, фраза «решить чисто житейский вопрос» значила «припугнуть кого надо» или что-нибудь вроде того. Более того Анненков боялся, что сейчас сам станет невольным посредником в «чисто житейском вопросе». На эту мысль его наводил не столько сам вопрос, сколько вид незваного гостя. Мужчина был явно не из деревенских – как и сам Аркадий. Также обладал хорошей фигурой и внешностью, но значительно уступал ему в росте. И также отличался самоуверенностью, которую, в отличие от самого Аркана, и не скрывал и особо не выпячивал. Кроме того, одет незнакомец был в модный двубортный костюм; такие костюмы в родной среде Аркадия носили молодые люди из элиты – из богачей, бандитов, или так или иначе связанных с ними.

– Как вас зовут? – Спросил после недолгой паузы токарь. Спросил просто так, для связки слов – чтобы дать гостю, так сказать, точку опоры для беседы.

– Николай. – Представился молодой человек.

– А я – Аркадий. Понимаете, чисто житейские проблемы вы бы решали с ним самим... Я плохой посредник...

Колян сделал большие глаза: – Так я и хочу с ним самим решить!.. Мне сказали, он в токарке – я и пришел в токарку...

Аркан тут же сменил уныло-задумчивую мину на беззаботную улыбку: – А, вот так!.. Это сейчас.

Вынув из кармана брюк телефон, токарь набрал через поисковик номер бригадира: – Дмитрий Валерьевич... Вы бы не могли мне номер Артемки Ухарева дать?.. Как зачем?.. Проведать хочу... У меня его номера нет – потому что он со мной не общался!.. А сейчас он мне вперся – потому что спеца хочу ему посоветовать... Валерьич...

Аркан тшкетно выждал минуту – раздались короткие гудки. Тут же дверь цеха распахнулась, и молодым людям предстал сам бригадир. Это был человек с кавказским лицом, лет сорока пяти, ростом с Аркана, но на порядок мускулистее и шире в плечах.

– Это это специалист? – Спросил бригадир, подозрительно глядя на Николая.

– Да. – Уверенно ответил тот. – Я помощник доктора Ерошкина... Вы, конечно, не знаете... Он изучает именно такие случаи, как у вашего рабочего...

– Ну и что собираетесь делать с Артемом Ухаревым?

– Сначала – встретиться с ним, предложить исследование. Вы не против?

– Был бы он не против. – Бригадир достал из кармана пиджака мобильник, и, найдя в списке номер своего бывшего подопечного, отдал аппарат «помощнику несуществующего доктора Ерошкина»: – Вот, записывайте номер.

Колян переписал номер в свой телефон.

– Спасибо. А не могли бы вы дать адрес?.. А то по телефону как-то неудобно...

– Приходите завтра – сегодня уже архив закрыт, а ключика у меня нет.

– Завтра я уже не смогу... – Николай обреченно развел руками. – Завтра с утра мне надо быть у самого доктора... Не могли бы вы...

– Попробую. – Взяв из рук Коляна свой мобильник, бригадир набрал номер. – Раиса... Нет, я хочу тебя просто попросить сделать небольшое одолжение... Я должен – я отдам!.. Раиса!.. Это не мне!.. Нет, в этот раз – точно не мне! Вопрос жизни и смерти! Дело Артемки... Да, да, который свихнулся... Вот один человек как-раз и считает, что может помочь... А сейчас, Раиса?.. Раиса...

Услышав короткие гудки, Дмитрий Валерьевич поднес телефон к лицу гостя: – Звоните по этому номеру, попросите дать вам адрес Ухаря. Мне она не даст... Да, такая она, принципиальная.

Николай зафиксировал номер в своем мобильнике, и, облегченно выдохнув, направился к выходу. У самой двери он обернулся, спросил: – А как зовут женщину?

– Раиса Михайловна. – С хитрой, едва заметной, улыбкой ответил бригадир. – Познакомиться хотите?.. Бесплезняк.

– Нет-нет, просто надо знать, как обращаться к человеку.

– А, ну да. – Усмехнулся Дмитрий Валерьевич. – Ну ладно, успехов вам, помощник доктора Ерошкина.

– Спасибо. Думаю, он у меня будет.

– Сразу видно – городской парень. – Сделал вывод бригадир, когда молодой человек закрыл за собой дверь. – Как и ты.

– А что в этом плохого?.. – С извинительной улыбкой, вполголоса спросил Аркан. – По вам тоже не скажешь, что из деревни. Артем тоже вот городскую женщину любит. – Он указал на станок с фотографией. – Вон, даже фотокарточку наклеил – чтобы каждый день любоваться. Вы, кстати, не знаете, что за дама?

– Знаю, – ответил Дмитрий Валерьевич, взглядываясь в блондинку на фото. – Даже хорошо знаю.

– И что за мадам?

Почему-то бригадир не ответил подчиненному. Что-то заставило его напрячься и посеменить к выходу. Когда Аркан повторил вопрос, бригадир буркнул через плечо: – Это тоже не из деревни, – и быстрым шагом вышел из помещения.

6

Услышав приглушенный крик, Мария Алексеевна резко вскочила с койки. В семьдесят два года не очень хочется двигаться быстро, тем более, когда у тебя почти девяносто килограммов веса и небольшой остеохондроз. Но когда кричит душевнобольной сын, мать забывает все телесные неудобства и чуть-ли не со скоростью света мчится к своему чаду.

Это чадо недавно отпраздновало сорок второй день рождения. Но этот праздник уже не доставил никакой радости ни самому Ухарю, ни его матери. На тот момент Артем уже был психически не здоров. Мария Ухарева не приглашала ни соседей, ни друзей. Артем тоже не приглашал никаких товарищей. Он и не мог этого сделать – все товарищи, которые и так не очень жаловали его, отвернулись от Ухаря, узнав о его болезни.

Выйдя из дома, Мария Алексеевна увидела своего сына в обществе какого-то неизвестного молодого мужчины. Артем медленно двигался в сторону матери, закрыв покрасневшее лицо руками. Незнакомец медленно двигался за ним. Увидев старую женщину, он быстро подошел к ней и с сильным волнением спросил: – Что с ним? Я просто спросил...

Мария Алексеевна ничего не ответила. Ее внимание было сосредоточено на сыне, который уже убрал руки от лица и уже вроде полностью совладал с собой. Подойдя к Артему, мать погладила его по голове и проникновенно посмотрела в поникшие туманные глаза: – Артем, что? Что случилось опять?

– Мне он опять грозит! – сухо промолвил сын, еле удерживая вновь нахлынувшие слезы.

Мать-старушка беспокойно глянула на молодого человека, потом вопросительно посмотрела на сына: – Он что-ли?

– Да нет. Он хороший. Это Николай. Он хочет мне помочь. А зомби – хочет меня погубить! – Сын стыдливо отвернулся, вытер наворачнувшиеся на глаза слезы, сделал два резких глубоких вдоха-выдоха. – Понимаешь, я же тебе говорил, этот зомби, который убил моего друга, он мне всегда показывается... Вот смотри, даже помощник психоаналитика его боится... – Артем с воодушевленной улыбкой кивнул в сторону Коляна, который суетливо топтался у крыльца, задумчиво теребя щеку.

– Да нет, Артем, – с успокаивающей улыбкой возразила мать, мельком глянув на Николая. – Этот Николай просто думает – как помочь тебе не бояться твоих фантазий.

– Какие фантазии! – Артем чуть не сорвался на крик – нежные поглаживания матери удержали его. – Ну какие же это фантазии, мама! Мне он уже показывается который раз! Я сейчас стоял, разговаривал с человеком, а он – за ним, возьми, черте откуда вырасти, будто прямо из земли вырос!

Мария Алексеевна в очередной раз погладила растревоженного сына и нежным настойчивым тоном попросила: – Ты, Артем, сходи, зеленого чайку попей. А мы с твоим Николаем поговорим, хорошо?

Сын незаметно бросил косой взгляд на Николая, потом посмотрел на мило улыбающуюся мать – будто собирался ей что-то сказать, и с неохотой поплелся к дому. Перед тем, как войти в дом, он сказал «помощнику психиатра»: – Приходите завтра, если чего.

– Да, обязательно встретимся завтра. – Ответил Николай, любезно улыбаясь и протягивая руку мужчине. Но тот вместо товарищеского пожатия вяло бросил: – До завтра, – и вошел в дом.

Озадаченный холодностью Ухарева, Колян с трудом заставил себя сменить раздосадованную мину на лицо открытого уверенного в себе специалиста, и обратился к Марии Алексеевне: – Я вижу, ваш сын ничего вам не сказал обо мне... Ну, за исключением того, что сказал

недавно... – Поняв по недоумевающему взгляду и непринужденной улыбке женщины, что этот вопрос лишний, Николай продолжил: – Меня зовут Николай Михайлович Ухабов. Я помощник доктора Ерошкина. Вы не знаете, конечно. Это не из ближних городов доктор, да и неизвестный. Сами понимаете, как он может быть известный – книг не издавал, с семинарами не ездил. Однако это уже почти состоявшийся профессор. Ему – для того, чтобы состояться полностью, нужен именно вот такой тяжелый случай.

Николай всегда считал, что эмоции, ярко выраженные мимически, безоговорочно убеждают женщин. Особенно – пожилых женщин. Особенно – провинциальных. Но не тут-то было. Мать психа даже не собиралась верить. Ее милое лицо, очень слабо тронутое старостью, выражало только легкое недоумение и сильное желание слушать дальше.

– Мне, конечно, тоже за это будет вознаграждение. Я не могу утверждать, поможет ли доктор Ерошкин вашему... Кстати, как вас зовут? Мария...

– Мария Алексеевна.

– Гарантировать я вам, конечно, не могу. Но, вы уж, Мария Алексеевна, извините, я должен вам сказать, что иммунитет к дальнейшему прогрессу болезни Артема... Как, кстати его по батюшке?

– Не надо его по батюшке. – Мария горько усмехнулась. – Батюшка этого не заслуживает. Да и вы с ним общайтесь как с товарищем. Так будет лучше. Или вы так не любите?

– Да нет, я наоборот, люблю по-товарищески. С пациентами, когда общаешься по-товарищески, они и излечиваются лучше. В этом вы молодец, проинтуитничали. У всех женщин, вообще хорошая интуиция. Ну, в общем, если вы не против, – дело за Артемом.

– У меня только вопрос – сколько?

– Нисколько. Это в наших интересах – поэтому нисколько. Повторяю: хуже никак не будет. Лучше – процентов восемьдесят. Сто процентов дать не могу – сложно, тяжело. Ну, вы не против?

– Нет, я не против. Пойду, посмотрю, если не спит, поговорите с ним сейчас.

Мария Алексеевна направилась к двери, но Колян остановил ее: – Пусть отдохнет, я приду завтра.

– Ну, ладно, приходите завтра.

– Всего доброго, до завтра. – Николай собирался сделать ручкой, но по лицу женщины понял, что ей не до нежностей. Мария Алексеевна была чем-то взволнована, но скрывала это. – Вы волнуетесь? Можно спросить, о чем?

– Вы ведь заберете его. – С неохотой ответила старушка. – Он будет себя не очень чувствовать...

– Это не обязательно. С теперешними технологиями – интернет, скайп, мобильная связь – можно работать внештатно. Доктор Ерошкин посредством своего помощника Ухабова будет заниматься психическим здоровьем товарища Ухарева. Удобно?

– О, это добре, это то, что надо. Ну, приходите завтра, Николай Михалыч.

– До завтра, Мария Алексеевна.

Мария Алексеевна проводила гостя до ворот, и долго провожала его беспокойным взглядом. Теперь он, возможно, узнает о преступлении Артема. Преступление, хоть и не состоялось, но все же преступление! Дело даже не в том, что посторонний человек будет знать о грехе ее сына. Дело в том, что он – также в каких-нибудь личных интересах – может болтануть об этом грешке где не надо или кому не надо... Ведь зло оборачивается злом... Пошатнувшееся душевное здоровье Артема – это уже злой ответ судьбы, но, кто знает, что судьба может приготовить еще?.. Нет, все же нужно было распрощаться с этим помощником доктора и отказаться от его внештатного лечения. Ведь что бог дал – то и нужно нести. У каждого свой крест!

– Ладно. – Сказала старушка сама себе, закрывая калитку. – Завтра придет – скажем, передумали...

– Не надо, – тут же за ее спиной прогудел сын, протирая заспанные глаза. – Он не узнает. Я скажу, что просто сторожил вместо Якима – и увидел, как эта тварина убивает Алешку.

– Сынок, он будет уточнять – зачем сторожил вместо Якима, почему тогда когда твой друг разворовывал могилу, именно ты сторожил... Понимаешь? Он будет это делать ради терапии, но если кому еще станет известно... Не понимаешь?

– У меня уже все продумано, мама. – Ухарь поймал лукавый взгляд матери. – Да, мама! Я же не дурной, а просто психически ненормальный! У меня все продумано. – Уже более спокойно продолжал сын. – Я не скажу ничего такого, чтобы он подумал, что мы были с Алехой подельниками.

7

Яким Васильевич, или кладбищенский старик, как его за глаза звали некоторые жители деревни, вышел из своей сторожки. Вообще, он делал обход кладбища не более двух раз за ночь: первый – не ранее двух часов, второй – часов в пять утра. Сейчас было чуть за полночь, и старик Яким бы ни за что не заставил себя выйти, если бы не услышал тихий говор.

В густом мраке летней ночи виднелись две фигурки. Одна фигурка была определенно мужской, а вторая – не то мужская, не то женская. И эта женоподобная личность что-то деловито выговаривала той, что повыше ее ростом и помужественнее телосложением... От созерцания этой картины Яким по-ребячески усмехнулся, от чего его стариковское лицо с ввалившимися скулами стало будто лет на десять моложе.

Тщательно взглядевшись в фигурки, кладбищенский старик узнал в одной из них Артема Ухарева – того самого дельца, который на свое горе прошлым летом решил нарушить покой усопших. Второго человека Яким Николаевич не знал. Если бы он не отсутствовал неделю назад на своем рабочем месте, он бы не пустил этого человека за черту кладбища – потому что никакой сторож не впустит на кладбище человека, который по несколько раз за день навевается на кладбище и пристально разглядывает памятники. Вот он и не знал, что этот человек в темных одеждах – не кто иной, как положивший глаз на кладбище деревни, Николай Ухабов.

Мужчины стояли метров за пятьдесят от сторожки, и, казалось, совсем не обращали внимания на сторожа. Казалось – потому что ни один из них при появлении старика не оглянулся. На самом деле Колян заметил Якима краем глаза – как-раз тогда, когда Ухарь выговаривал ему свою тираду.

Резко вдохнув носом запах скошенной травы с примесью запаха заводской химической вони, Яким Васильевич решительно направился к мужчинам. Прошагав половину расстояния, он остановился. Старик не передумал; он просто захотел подслушать – о чем говорят эти два человека, заодно – узнать, что это за человек в дорогой черной рубаше и брюках с широким ремнем. Ведь это вполне может быть некий городской аферист, положивший глаз на кладбище с ценными могилами, и использующий Артемку Ухаря в качестве исполнителя... А что, Артемка нынче душевно нездоров – ему можно внушить все, что хочешь, и заставить его взрыть могилку – дело тоже несложное...

Закончив свою тираду, Артемка опустил руки по швам и, тяжело выдохнув, спросил собеседника: – И что?

– Нет, Артем, это действенный метод. – Спокойно ответил незнакомец тоном следователя. – Вы играете – мы исследуем. Это действенное лечение на самом деле. Так лечили доктор Зенгель – в период после мировой войны, профессор Карлейль – в период после крушения башен-близнецов... Вы можете прочесть...

Что этот человек рекомендовал Артему прочесть, кладбищенский старик не слушал. Этот обрывок диалога заставил Якима полностью опровергнуть свои подозрения на счет расхищения кладбища и поторопиться назад в сторожку. Если бы Яким Васильевич любил читать

газеты, или хотя бы чаще смотрел новости по телевизору, то знал бы, что никакого Зенгеля и Карлейля не было, ни после мировой войны, ни после теракта в США.

Артем Ухарев тоже не читал газет и не особо любил смотреть новости. Именно поэтому он и купился на душевную уверенную улыбку «помощника доктора» и внимательно слушал его дальнейшие небылицы. У этих небылиц был свой мотив – таким образом Колян пытался разузнать у собеседника место нахождения той могилы, которую тому не удалось расхитить прошлым летом.

– Такой метод – это лекарство для нервов. Это – во-первых! Во-вторых – вы...

Снова Артем нетерпеливо зажег курилкой, но в этот раз – чтобы просто поправить собеседника: – Какой к чертовой бабушке «вы»! Я с тобой уже как браток, а ты!... Ну, я слушаю...

Николай удовлетворенно улыбнулся уголками рта. Такой ход дела его более чем устраивал. Собеседник-лох успокоился, полностью доверяет ему и с нетерпением ждет продолжения беседы...

– Понятно. Ты, Артем, сделаешь себе большую пользу для психики, понимаешь?..

– Ну. – Бесцветно ответил Ухарь, и тут же, заметив, как непринужденная улыбка его собеседника резко сменилась миной разочарования, громко хохотнул. – Ну, а во-вторых что? Нервы – это у тебя во-первых, так?

– Так. Во-вторых, ты будешь постепенно...

– Постепенно, – мягко перебил Артем. – Вводить вас, уважаемый помощник психоаналитика, в курс дела...

– Какого дела?

В этот раз Ухарь хохотал еще громче и дольше – потому что его собеседник всерьез забеспокоился и стал похож на некое подобие себя. Колян резко пригнулся, сузил глаза и пристально взгляделся в лицо Ухаря. Громкий бесстыдный хохот насторожил его еще больше. Ведь вполне возможно, этот человек вовсе не лишен ума и понимает, ради чего на самом деле он пригласил его ночью на кладбище... А на кладбище Колян пригласил Ухаря именно ради того, чтобы тот ввел его в курс дела – то есть, показал место нахождения могилы, которую хотел разграбить прошлым летом. Сейчас того и гляди, скажет: «Давай еще попробуем? Клад делим на двоих!» Или, может, самому аккуратно перевести тему и самому предложить ему быть поделщиком... Только клад, если таковой будет вполне солидным, поделить не на двоих... Или на двоих, но не поровну...

– Ну, я же душевно больной. – Наконец ответил Артем Ухарев, суетливо поглаживая щеки, которые порядочно напряглись от неумеренного хохота. – Вот ты и типа лечишь... Вы в городе все за рейтинг работаете. Чем больше галочек себе наставите, чем больше картотек заведете – тем вы круче. Думаешь, мы, деревенщины, совсем про город ни черта не знаем?

Николай облегченно выдохнул и размеренно – как врач пациенту – сказал: – При всем уважении к тебе, Артем, и считаясь с тем фактом, что ты – человек, а не маньяк в тюрьме...

– Слушай, Николай Михалыч, – С брезгливой ухмылкой перебил Артем. – Ты можешь хотя бы не выражаться как доктор?.. Или ты уже картотеку на меня завел?

– Нет. – С меланхолической улыбкой ответил Колян. Он был доволен, что этот душевно больной даже отдаленно не догадывается о настоящей цели этого ночного разговора. – Еще не завел. И ты, судя по всему, не хочешь... Тогда предлагаю другой вариант. Без никаких картотек, галочек, просто проводим три сеанса. Если ноль изменений – к чертям собачьим меня, и я больше тебя не беспокою... А начать можно прямо сейчас...

Артем думал над вопросом минуты две. Потом зачем-то поглядел вдаль, потом вверх – на черное звездное небо, потом – на своего собеседника: – Знаешь, вот сейчас стою – кладбище, ночь, вроде страшно должно быть, а нет. Может быть, я потиху выздоравливаю?

– Вполне может быть. – Николай выдержал тяжелую паузу. Он был профессиональным комбинатором. Не зря его товарищ, настоящий психолог, говорил про него: «Разводчик от бога, Остап Бендер отдыхает. – Вот давай проверим... Стань на ту могилу...

– Я стою возле нее.

Все-таки не так он глуп, как кажется, этот токарь Ухарь, подумал Колян. Все же не доверяет мне полностью, все-таки хочет выяснить наверняка – хочу ли я узнать, где «дорогое» захоронение, или не хочу. Сейчас он стоит между двумя могилами. Можно, конечно методом тыка узнать, какая из этих двух «дорогая», но этот метод тыка может дорого обойтись. Не столько материально, сколько морально... Психолог, помощник авторитетного специалиста, отвечает перед жителями деревни за то, что расхитил могилу, которую прежде безуспешно пытался расхитить человек, которого он безуспешно пытался сделать своим пациентом... От этих мыслей Николаю стало смешно. Он подавил легкий приступ смеха и тут же заметил, что его собеседник насторожился.

– Что случилось?

Ухарь будто не слышал его вопрос. Он смотрел куда-то мимо Николая – на два ярких огонька, мелькающих у сторожки.

– Ларочка... – Тяжело выдохнул Артем, глядя на блуждающие огоньки.

– Что за Ларочка? – Еле слышно промолвил Николай, обеспокоенно глядя на огоньки, которые резво двигались в его сторону.

– Кошка, – с удрученной улыбкой ответил Артем. – Когда она приходит на кладбище, – кто-то помрет. Обязательно.

– Судьба, – после долгой тяжелой паузы ответил Колян, облегченно выдыхая воздух ноздрями. Выдыхать накопившийся за время волнения воздух через ноздри – это полезно. Так учил его Костя. Когда выдыхаешь воздух через ноздри, нервы успокаиваются, мозг уже через полминуты начинает работать в нормальном ритме. В таком случае человек не претерпевает никакого органического негатива.

Артем обреченно развел руками и печально улыбнулся: – Да, судьба. Яким это частенько наблюдал – как Ларочка появится, – все, пропал человек. Маленькая деревенька станет на одного дурака меньше.

– Хорошее мнение у тебя об односельчанах. – Николай с улыбкой похлопал собеседника по плечу. – Ну, ладно, продолжим эксперимент?..

– Ну, давай продолжим. – Артем подошел к оградке могилы. – Ну, вот, и че дальше?

– Как ощущения?

– Вполне себе ничего. Я же говорил, мне сейчас хорошо.

– А ты точно стоишь на той могиле?

– Точнее не может быть. – Артем на миг задумался, изменился в лице. – Или ты думаешь, у меня вообще с головой нелады?! Я все помню. Все! До черточки, до кустика, до звездочки...

– А ощущения?.. Не накатывают ощущения, похожие на те, что тогда?

– Ну, я их помню. Но нет, сейчас мне вполне хорошо. Нет ничего дрянного на душе. Все, можно сходить с могилы?

– Это уже очень хорошо. – После недолгого раздумья (вернее, фиктивного раздумья) сказал Николай. – Это уже преддверие к выздоровлению... Опять выражаюсь как доктор, да?.. В общем, ты уже действительно потиху выздоравливаешь. Выбери – или сам дальше, или с помощью доктора...

– Николашка, – перебил Коляна Ухарь. – Не хочу я никаких докторов. Я нормальный человек, я чувствую, что я выздоравливаю, понимаешь?..

Надежда Ивановна вышла на крыльцо. Яркое солнце желтыми кляксами отражалось в высыхающих лужах. Воздух был свежим, бодрящим. Резвый теплый ветерок стряхивал серебристые капли с кустарников и деревьев.

Гость из города уехал – потому что наверняка знал, что сегодня будет дождь. Дождь ему помеха – он все время ходит, что-то узнает, что-то ищет... Так думала Надежда Ивановна, вспоминая своего гостя, который вчера вечером вдруг ни с того, ни с сего быстро уехал в город. Слава богу, хоть напомнила ему про деньги – а то уехал бы, не рассчитавшись за жилье.

Гость был представительным молодым человеком, лет тридцати, культурный, обходительный. Только вот почему-то часто врал, когда говорил по телефону. Ей заявил, что он помощник небезызвестного психиатра, а по телефону говорил все время о каких-то телах. Да и девушка его какая-то не от мира сего. Вроде тоже культурная дивчина, но как узнала, что они будут жить в двух комнатах со старой хозяйкой, тут же улетучилась. Разве может человек, имеющий дело с врачеванием человеческих душ, иметь такую малодушную бабенку?.. Да и с бабой Надей общался этот Николай как-то неохотно, бездушно.

Когда баба Надя спросила его: «Какими ты телами занимаешься, психиатр?», Колян бесцветно бросил: – Человеческими, – и тут же спохватился, чуть не выронил вилку, которой собирался наколоть кусочек колбаски. Прочитав во взгляде хозяйки вопрос-упрек, поправился: – Я очно – патологоанатом, а заочно – помощник Ерошкина.

Николай умел врать. Но баба Надя умела читать по глазам. И она прочитала в его глазах ленивую борьбу совести с ушлым умом. Когда он садился в свой «корабль», ссылаясь на срочный вызов, Надежда Ивановна не стала уточнять, зачем к мертвецу срочно вызывают патологоанатома, или зачем вдруг психиатру на ночь глядя потребовался помощник. Но про деньги напомнила – все-таки Николай жил у нее почти две недели, да еще и бесплатно питался картошкой, кашей, солеными огурчиками, свежими овощами и домашней колбаской. Да еще и пил парное молоко, которое вкуснее и полезнее городского. И хотел оставить все это неоплаченным... Нет, все-таки нынешняя молодежь хуже, чем в ее время.

Постояв недолго в раздумье, Надежда Ивановна услышала тяжелый топот. Это приближалась соседка. В отличие от бабы Нади, соседка была миниатюрной женщиной, и, если бы не резиновые сапоги, ее шаги были бы вовсе не слышны.

– Здоровенько, Надя. – Поздоровалась соседка через ворота. Баба Надя ответила вялым кивком. – Ходи сюды...

Надежда Ивановна, прежде чем подойти, на миг задумалась. Никогда соседка Нина не просила ее подойти к воротам, не входя во двор... Стало быть, что-то страшное случилось...

– Слушай, – сказала соседка почти шепотом, с опаской оглядываясь по сторонам. – Твой квартирант чего-то моего Ваську спрашивал о коматозниках...

– Зайди, Нина. – Ответила Надежда Ивановна, подумав с минуту, а сама, словно под гипнозом, направилась обратно к дому.

Соседка, подавив приступ иступленного смешка, перекинула руку через невысокие ворота, отбросила крючок калитки, вошла во двор.

– Пойдем, Нина, в дом. – Сказала баба Надя, не оборачиваясь.

Измученная соседка торопливо последовала за старушкой. Женщины вошли в дом. Баба Надя попросила Нину сесть на диван и рассказать все подробно – что именно спрашивал у ее мужа этот подозрительный квартирант.

– Про коматозников, – повторила Нина. – Помнишь, в старое время в нашей деревне были...

– Ну, – перебила Надежда Ивановна. – Откуда ж мне помнить – меня тогда еще и на свете не было. Это было век назад, а мне еще до ста лет – как до луны...

– Нет, ну ты ведь знаешь? Тебе мама рассказывала?

– Знаю. Это вся наша деревня знает. Ну, почти вся, – поправилась баба Надя, поймав смеющийся взгляд женщины.

– Вот я темень, – Усмехнулась Нина. – Неужто почти вся деревня знает? Мой Васька узнал только полгода назад. А я – только на той неделе от него узнала. Да и то, если бы этот мальчик его не спросил, не узнала бы...

– Да на что это тебе, – отмахнулась Надежда Ивановна. – О живых надо думать, зачем о мертвых-то... Так на что это ему надо было, моему квартиранту?

– Не знаю. Васька тоже не знает. Говорит: пришел ко мне – и с порога спрашивает: «Знаете ли вы что о могиле, которую пытались расхитить прошлым летом?» Ну, он ему сказал, что там был похоронен коматозник... Или не надо было?

Баба Надя ненадолго задумалась, нервно дернула плечом: – Черт его ведает, это все знают, и наверняка мой квартирант знает. А то, что было после похорон... – Она впала в долгое раздумье. Потом с меланхоличной усмешкой развела руками: – А может, он и правда и патологоанатом, и психиатр...

– А зачем тогда ему знать что-то еще? – Тихо спросила Нина, с интересом изучая удрученную улыбку старой женщины.

– А кто их знает, этих городских деловых. Позапрошлым летом к нам приезжал нефтедобытчик... Да-да, к нам, сюда приезжал. Говорит: должен быть в вашем регионе источник нефти. Пожил задарма у Юры Уразова, обрюхатил его дочурку, с женой порезвился, и укатил домой.

– Так это и не мудрено, – с холодной неприязнью ответила Нина. – Эти две балбески сами в руки лезут. Так им и надо. Но этому деловому ведь не нужны были женщины. Да и драгоценности ему тоже вроде как не надо... Ты ведь в курсе, что могила очень ценная?.. Вполне возможно, ему авторитет нужен. И денежки, конечно. В городе ведь как, – есть авторитет – есть и деньги. Он опросит жителей Сосново – все ему выдадут свои гипотезы по делу коматозников, а он их в одну сплетет – и все, авторитетный деятель.

– Какое это отношение – все эти гипотезы по делам коматозников – может иметь к делу психоаналитика и патологоанатома, Нина?

– Может, он никакой помощник. Среди психологов много никаких. А патологоанатом – это не врач, там вообще все равно, какой. Вот он и хочет свою Америку открыть – на основе изучения тел коматозников и их роли в социуме деревни Сосново. А там – франшиза. Знаешь, баба Надя, что такое франшиза?.. Это «Тысяча и одна ночь», сказки схожие, но не обязательно с логической последовательностью.

Надежда Ивановна снова на минуту задумалась. Потом бесцветно вымолвила: – И что?

Нина с легким негодованием побегала глазами, и томно улыбнулась бабе Наде: – Что, что!.. Франшиза – дело денежное... – Понимая, что ее намеки ничего не говорят ее собеседнице, Нина сверкнула на старушку глазами: – Для всех! Или ты так не считаешь, Надежда Ивановна?

Надежда Ивановна приснула смехом, нежно погладила Нину по голове: – Быстро ты соображаешь, Ниночка, быстро.

9

Ближайшим предметом, привлечшим к себе взор Оксаны, была ферма, расположенная на солнечной стороне поля. Когда-то, когда ее отец еще не был губернатором, они жили в похожей деревушке, и неподалеку от их скромного пятикомнатного домика, в котором даже не было тренажерного зала и второго этажа, была похожая ферма.

Это время Оксана помнит смутно – ей тогда не было и пяти лет. Отец тогда был директором завода, и еще даже не помышлял о политической карьере. Если бы не народ, который сам толкнул Сергея Николаевича Кудинова в депутаты, был бы он до сих пор инженером, и жили

бы они в убогой пятиножке, со скромным садиком, болотом возле участка, а не в таун-хаусе с двенадцатью комнатами, двумя джакузи, огромным тренажерным залом, комнатой-рестораном, столовой и огромной гостиной. И стоял бы в их дворике, как раньше, самопальный гараж из железных листов с допотопной «Тойотой», а о теперешнем гараже-подвале с двумя внедорожниками оставалось бы только мечтать и искать «папиков», которые помогли бы Оксане Сергеевне сделать то, что сделал любимый папочка.

О том, что любимому папочке помог не столько народ, сколько друзья и коллеги со «связями», Оксана не догадывалась – пока он не стал губернатором. Как-то после победы отца на выборах в губернаторы, дядя Валера, двоюродный брат Кудинова, спросил его за столом: «Как ты, Сергун, так смог, – сразу раз – и губернатор?.. Ты ж даже половины не сделал, что обещал любимому народу...» Папа, уже повеселевший от нескольких стаканов виски, щелкнул по бутылке, в которой еще плескались остатки спиртного, и честно признался брату: – Ты ж знаешь, алкоголь расширяет не только связки, но и связи.

– Видать, хорошо расширяет – связи, чтобы сразу раз – и...

Договорить дяде Валере свою реплику помешал упрещающий взмах руки брата и блуждающая лукавая улыбка. Сергей Николаевич не хотел, чтобы эти «ненужные» подробности стали известны дочери и супруге, которые неожиданно появились в гостиной.

На самом деле Софья Кудинова не хуже самого супруга знала о его связях, хоть и никогда не вдавалась во все эти подробности. От нее же секрет быстрого политического взлета отца узнала и дочь. Оксане Кудиновой было тогда всего четырнадцать лет, но она была современным ребенком – то есть, таким ребенком, который еще совсем ребенок в плане интеллекта, но уже знает смысл слов «связи», «политика», «пешки» и «тузы». Сейчас Оксане двадцать лет. Отец уже правит второй срок. И она твердо уверена в том, что второй срок губернаторства – это заслуга самого отца, хоть иногда, перебрав в клубе спиртного, заявляет своим подругам и приятелям обратное.

Вот и вчера, когда к ней зашла Ольга, пришлось с ней поспорить. Сначала две закадычные подруги решили посидеть дома, попить немного пива, которое отцу подарили его бывшие коллеги по заводу, где он директорствовал. Потом, когда Ольга, уже поддавшись воздействию легкого хмеля, заявила, что ящик пива – это ведь не просто подарок Сергею Николаевичу, начала доказывать ей обратное.

Вначале она попробовала убедить подругу легкой самоуверенной улыбкой и словами: «Нет, это как-раз подарок от тех, кто ценит бывшего директора и нынешнего губернатора».

– Нет, ну вот что твой папа сделал такого, чтобы его бывшие коллеги-начальники его благодарили? – беззлобно, но очень убедительно возразила Ольга.

Тогда Оксана начала в лицах рассказывать о коллегах отца по заводу. Хоть она и не знала ни одного коллегу в лицо, у нее получалось убедительно. Добродушные и понимающие гримасы давались ей немного неловко, но говорила она убедительно. Ольга, казалось, даже поверила, что отца во время его директорства окружали исключительно умные, душевные и хорошие люди. Но когда обе девушки влили в себя по четыре бутылки германского пива, легкий спор резко перешел в острый дискурс.

Дочь отца-губернатора на протяжении получаса тщетно связывала теперешнее положение города и близлежащих деревень со способностями своего папы. Ольга ее внимательно слушала, изредка кивая и ядовито улыбаясь. На эти козни «золотая девочка» не обращала особого внимания – отец неоднократно, когда немного хватал лишку с гостями, учил ее премудростям правильного поведения при серьезных разговорах. Когда Оксана закончила и приготовилась к очередной словесной атаке подруги, та сделала сонно-виноватую гримасу, недолго подумала, щелкая ногтем по пробке бутылки, лежащей на мраморном столике, и, плавно вдохнув носом воздух, вымолвила: – Ну, ладно, пусть будет по-твоему.

Эти слова воодушевили дочь губернатора. Ольге это и было нужно. Она терпеливо выждала, пока Оксана сделает медленный вдох-выдох, расплывется в улыбке и слегка закатит глаза. После этих пяти секунд блаженства Ольга выпрямилась на стуле, сделала строгое лицо и жестко продолжила: – Но!.. Ты ведь, Оксана, должна стабилизировать социум там, где твой отец не может ничего... – Заметив, как ее «золотая» подруга превращается из полусонного ангелочка в разъяренную бестию, Ольга упреждающе подняла руку: – Простите, Оксана Сергеевна, я не договорила... Твой отец не может – не потому, что не может, а потому что у него именно политические дела. Социум – это дело политиков, но посредственное. Опосредованные дела у них – экономика, межреспубликанские терки. Правильно?

– Правильно. – С умиротворенной улыбкой согласилась Оксана. – Он всегда-всегда на переговорах, или на заседаниях, или на...

– Или на корпоративах. – Мягко перебила Ольга. – Так вот ты сделай своему губернатору-терминатору репутацию. Нет, у него, конечно, и так репутация вполне. Но ты можешь сделать одно место социально стабильнее – чтобы это было на руку твоему папе и его шес... Его...

Слова охмелевшей подруги растрогали Оксану. Она бессильно откинулась на спинку мягкого кресла и, глядя поникшими глазами куда-то мимо Ольги, промолвила: – Шестерки, терминатор... Оля, ты все неправильно видишь. Никакой он не терминатор. И никакие у него не шестерки. У него даже те, кто с виду шестерки, делают много полезных и тяжелых дел.

– Так вот я и говорю, Оксана, чтобы твоему папе и его полезным шестеркам лишнюю мороку не делать, ты сделай... Деревня Сосново, знаешь, в плохом социальном положении. Это не известно официально. Но у Коляна там много знакомых. И почти все эти знакомые – отдавали голоса за губернатора Кудинова, но внутренне... В душе, понимаешь?.. Все они думают, что он – терминатор... Не понимаешь...

– Не совсем, – подумав с полминуты ответила Оксана.

– Я так тоже думала, но ты меня вот убедила в обратном. Ты, вообще, знаешь, что значит, терминатор?.. Не знаешь. Так называют тех, кто лезет к власти, чтобы убирать ненужных директоров, депутатов. То есть, чтобы отстранять их, не убивая физически. Откатывать им, «разводить» их, сажать их... Что ты опять zenки lupишь? Не знаешь, что значит «сажать»?

– Знаю. – С презрительной усмешкой бросила подруга. – Тебя не совсем понимаю. Ну ты давай, рассказывай, рассказывай.

– Если ты приедешь в Сосново и хотя бы одному сосновцу скажешь: «Здравствуйте, как ваши дела? Мне известно, что на самом деле не все хорошо, а я хочу, чтобы мой папенька знал ваше настоящее положение», – все поймут то, что твоему папе-губернатору очень-приорочень кстати... Понимаешь? Не просто подумают, а поймут. Поймут – потому что папа говорил своей дочке о том, что его волнует. Потому что приехала дочка – посмотреть на житие-бытие деревни, а не какая-нибудь полезная шестерка, которых политики обычно посылают. Понимаешь?

– Понимаю. – С грустью ответила «золотая девочка». – Надо завтра же и съездить. Но на самом деле папа мой не такой уж и политикан... – И здесь началось доказательство обратного тому, что доказывалось буквально полчаса назад.

Опустошив ящик пива, подруги заснули – Ольга на диване, а «золотая дочь» прямо в кресле. Сильное опьянение не помешало Оксане поступить в соответствии со своим решением. Проснувшись около часа дня, она позвонила личному шоферу и велела прибыть через полтора часа. Полтора часа ей нужны были для того, чтобы принять душ, сменить помятое платье на новое, попросить домработницу заменить на диване покрывало, которое вчера случайно залила пивом, полистать новый «Космополитан» и разумеется навести макияж.

Когда они проехали табличку с надписью «Сосново», Оксана удивилась, увидев ресторан, прятавшийся за редкими деревьями. Ресторан назывался "Сосны". Густая зелень окрашивала крыльцо заведения с посеребренными перилами.

Услышав приглушенное «угу», водитель с еле-заметной улыбкой пояснил «золотой девочке»: – Эта деревня – городской поселок. Здесь и рестораны, и бутики. Только в частном секторе с этим напряженка – надо идти километра полтора – два до ближайших «достопримечательностей». Зато в самой деревне красотища – деревья большие, леса, поля, дворики с избушками.

Когда они проехали с десятков километров, Оксана увидела ту самую ферму, похожую на ту, что находилась рядом с домом ее детства. Водитель специально вел машину неспешно – чтобы дать возможность Оксане Сергеевной налюбоваться местностью, привлекающей ее внимание. То, что взор ее привлекла ферма, он не знал. Он думал, что Оксана просто любит золотисто-зеленым полем, сливающимся на горизонте с голубым небом. Ему нравилось, когда эта блондинка-дурнушка всерьез интересовалась чем-то, что на самом деле доставляет эстетическое удовольствие.

10

Услышав трель дверного звонка, Костя нечаянно задержал палец на клавише. Так у него получалось всегда, когда он работал с ночи до утра, и вдруг неожиданно-негаданно звонил телефон или заходили неожиданные гости. Нежданный гость в пять утра мог быть только один – Николай. Он никогда не звонил предварительно. Всегда заходил, и жаловался Косте на свои проблемы.

Подойдя к входной двери, Костя посмотрел в глазок. Его спокойные черты лица на секунду исказились тяжелой скорбью. Открыв дверь, он впустил Николая, который смотрел на него покрасневшими глазами; лицо его было бледным, с легкой синевой. Причина этой синюшной бледности была в потреблении больших доз алкоголя продолжительное время.

– Что, опять потребляем? – с теплой улыбкой спросил Костя, глядя в поникший взгляд товарища.

– Да, потребляем. – Устало ответил Колян. И после недолгой паузы раздраженно буркнул: – Опять, коза, вредничает!

То, что коза – это Ольга, Костя знал. Также догадывался, как она вредничает, но решил не вдаваться в подробности. Его совсем не интересовала конкретная причина ссоры Николая с Ольгой. Тем более сейчас, когда ему нужно закончить диссертацию. Предложив другу пройти на кухню, психолог включил чайник, и ушел. Он ушел, чтобы выключить компьютер, но, подойдя к столу, решил написать еще немного текста. Эти несколько предложений дались ему с большим трудом. Когда он вернулся на кухню, Колян уже пил кофе вприкуску с пирожным, и сосредоточенно глядел в окно.

– Ну вот и поправились почти, – с надменной улыбочкой заметил психолог, глядя как бледное лицо его товарища приобретает розоватый оттенок.

– Да, есть немножко, – согласился Николай.

Немного поправиться ему помогло не столько кофе, сколько присутствие товарища. Костю он посещал редко, и только тогда, когда нужно было просто поплакаться в жилетку – по поводу очередной эмоциональной вспышки Ольги, или одолжить денег. Просто так ни о чем он общался с психологом только если они случайно встречались в городе, или были приглашены на праздник к общим знакомым.

Жаловаться он приходил не часто, но всегда в состоянии легкого опьянения. Ему вовсе не были нужны советы Кости. Но ему было нужно его присутствие. Он был для Николая своеобразным энергетическим антидепрессантом. Стоило просто подумать о встрече с Костей – и от похмельной депрессии оставался лишь осадок.

– Есть немножко, – загадочно улыбнулся Костя. – Это хорошо, что тебе достаточно кофе для опохмела. Знаешь, если человек не может опохмеляться с утра алкоголем, он уже не алкоголик. И никогда им не будет. Тем более, если ему уже почти тридцатник. Согласен?

Николай флегматично кивнул. Допив кофе, он долго сидел молча, глядя в стол. Его лицо слегка преобразилось – покраснение глаз уменьшилось, щеки стали пунцовыми.

– Костя, надо дела делать без этой... Без Ольги. – Николай резко развернулся на стуле, пронизательно посмотрел на товарища. – Помнишь, я тебе говорил, что возьмусь?.. Я, в общем, уже взялся. Но эта дубина все испортила.

Теперь Костя догадывался, в чем причина ссоры. Слава богу, хоть не в очередной измене Ольги, и не в очередном расторжении помолвки...

– Надо было со мной посоветоваться. – Как можно мягче сказал психолог. – Я знаю, как с людьми общаться. Ну ничего, на ошибках учатся.

– Учатся, – нервно буркнул Колян. – С этим чудом научишься. Я ей, понимаешь, посоветовал внедрить Оксану Кудинову... Не моргай, Костя! Я все отлично организовал. Так она ей акрамя моих инструкций насоветовала такой муры, что сейчас самому стыдно этой пустышке в глаза смотреть.

– Коля, зачем тебе вообще это...

– Да она мне и не надо, но вроде как уже жизнь связана, – Николай флегматично развел руками. – Понимаешь? Да и будет она нормальной женой. Я, понимаешь, знаю это.

– Извини, Колян, я не договорил. Я говорю: зачем тебе это все – вся эта операция в Сосново?..

– Ну, это тоже я сделаю. – Николай восторженно выдохнул носом воздух, дернул плечами. – Я это тоже чувствую. Костя, может ты сможешь – подсоветуешь чего...

– Ну, ты хоть расскажи для начала, чего твоя коза набедокурила... Не хмурься, ты ее сам так постоянно называешь.

– Да, – Николай подавил гримасу недовольства безобидной ухмылкой. – Не зря ж говорят: пусти козла в огород. А здесь – две козы. Все, хана огороду. Ну, мы с тобой – не два козла ведь. Все исправим?

– Попробуем. Так что она натворила? Давай по порядку.

– В общем, сказала Оксане приехать в Сосново, обосноваться у какой-нибудь бабушки, поближе к кладбищу, и делать вид, что беспокоится о том, как сказывается влияние ее папы-градоначальника на социуме деревни. Здесь этой пустышке надо отдать должное...

– Да ладно, – Костя мягко перебил друга. – Не такая она уж и пустышка.

– Нет-нет, это я про Оксану. Приехала, заселилась к бабушке, жила неделю, спрашивала мнение о своем «большом» папе. Сначала говорила с хозяйкой, потом – с гостями, что приходили к хозяйке. В общем, все поверили, или почти поверили, что она волнуется – потому что самого губернатора волнует отношение всех сосновцев к его губернаторству. Так приехала девочка Оля – и давай прямо в комнате спрашивать Оксану: «Все о'кей? Все сказала, что я тебе сказала? Все деревенщины тебе верят? Вау! Тебе уже можно самой баллотироваться в губернаторы!» А бабушка-хозяйка все слышит. Да и не только бабушка. Все соседи слышат – окна ведь открыты, кричит эта коза всегда громко, а дома посажены часто. Вот и теперь надо что-то делать...

– Теперь необходимо что-то делать, – после недолгого раздумья заключил Костя. – Теперь на твоей совести репутация дочери губернатора. Да и самого его – частично. Пойдем, подумаем.

Они прошли в небольшую комнату, которая служила Косте рабочим кабинетом. Николай бегло осмотрел портреты всемирно известных психологов и философов, украшающих стену над большим кожаным диваном. В углу, у окна располагался стол с компьютером, мягкий стул-кресло и небольшой стеллаж с книгами.

11

Выйдя из дома, Надежда Ивановна лениво потянулась, зевнула. Это утро выдалось пасмурным, совсем не летним. Ночью прошел обильный дождь. Все деревья набухли, намокли. Резвый прохладный ветерок стряхивал с листьев бисер серебристых капель. В такие дни у бабы Нади всегда было меланхоличное настроение. Идти доить корову не хочется, а надо. И надо себя заставить прийти в хлев с располагающим настроением – иначе корова Машка будет в таком же унылом настроении, и будет плохо доиться.

Тяжело вздохнув, Надежда Ивановна сделала несколько вялых движений плечами, и собиралась направиться к хлеву, но человек, внезапно появившийся у ворот, привлек ее внимание. Это был незнакомый человек и, судя по его поведению, городской. Человеку было лет двадцать семь на вид, одет он был в легкий клетчатый костюм, которого нет ни у одного сельского мужчины. Лицом человек похож на некоего ученого – острые черты, короткая стрижка, азиатские глаза, скрытые за притемненными очками, и тонкие губы, сосредоточенно сжатые в одну линию.

– Вы что-то хотели спросить? – крикнула баба Надя нежданному гостю, который почему-то не решился заговорить первым.

– Да. – Молодой человек нерешительно дернул тонкими плечами. – Я – Константин Евгеньевич Сомов, помощник доктора Ерошкина. Знаете такого?

– Знаю. – Перед тем, как ответить, хозяйка участка спешно подошла к молодому человеку и попыталась заглянуть в его глаза. Смотреть в глаза Константину Евгеньевичу было крайне неудобно – он был выше на полторы головы, да и глаза у него спрятаны за бежевыми стеклами интеллигентных очков. А посмотреть в глаза этому помощнику доктора Ерошкина очень хотелось. Как может быть иначе, когда такой же молодой человек, только без очков и пониже ростом, недели две назад также представился помощником доктора, а сам оказался патологоанатомом, да еще и аферистом, которому зачем-то нужна была информация о покойниках вековой давности...

– Вы чем-то не рады мне. – Спокойно заключил Константин Евгеньевич, глядя на старую женщину, которая даже и не пыталась скрыть брезгливой мины недоверия. – Я знаю, почему... Тот молодой человек, который приезжал к вам недавно, – это тоже коллега психиатра Ерошкина. Но он просто резко взялся за дело. Кроме того, хотел сделать еще больше того, за что ему платят.

– А то, что он еще и патологоанатомом работал – ничего? – ни без ехидства спросила баба Надя, суетливо постукивая ладонью по штакетнику. – Или он на двух работах сразу работал? В городе, знаю, тоже с денежками не очень...

– Это его специальность – патологоанатом. Он работает, но не очень любит эту работу. Мы взяли его по благу в помощники. Он вам не понравился чем-то?

– Ну, да, мне не понравилось – что он брал на себя то, что не надо. Аферист какой-то – мне говорит, что патологоанатом и психиатр, а сам ходит по людям, спрашивает про коматозников...

– Вы уж извините, – Костя заставил себя выдавить теплую улыбку. – Но здесь как-раз мы с ним заодно. Он будет помогать мне проверять потомков этих... коматозников, как вы говорите, – на предмет легкой психической неустойчивости.

Женщина ненадолго задумалась, потом подозрительно посмотрела на гостя: – Давайте, я пойду, корову подою, а потом мы с вами поговорим?

– Хорошо, я зайду позже. Через часок.

– Угу, заходите, – бесцветно бросила баба Надя, и ушла.

Подоив корову, Надежда Ивановна накормила хряка, дала травы кроликам. На это ушло без малого час. Вспомнив, что скоро явится гость, который вполне может оказаться аферистом,

она позвонила соседке Нине, и, пересказав ей все подробности недавней встречи с молодым человеком, представившимся помощником известного психиатра, попросила зайти к ней.

Константин Евгеньевич Сомов, как и обещал, явился ровно через час. Не увидев во дворе хозяйки, он недолго постоял за воротами, без особого интереса разглядывая часть огорода, видневшуюся за небольшим деревянным домом. Поняв, что хозяйка так и не выйдет, а, скорее всего, ждет, что он зайдет к ней в дом, Костя нерешительно отбросил крючок калитки, и вошел во двор. Проходя мимо дома, он глянул в окно и заметил двух женщин. Одна из них была хозяйкой. Другая была, очевидно, ее дочкой – на порядок стройнее, немного широкоплечая, с похожими чертами лица, в легком скромном платье, лет на двадцать – двадцать пять моложе.

О том, что это была не дочь, а соседка, Костя конечно же не мог знать, как не мог знать и того, что она была моложе всего на пятнадцать лет, а старой женщине было не лет шестьдесят, как он полагал, а почти семьдесят. Заметив его, женщины прекратили оживленную беседу. Хозяйка дома по-хозяйски откинулась на спинку дивана, а ее собеседница с легким вызовом взглядела в лицо гостя.

Поняв, что беседа предстоит нелегкая, Костя замедлил шаг и начал дышать медленнее. Сделав десять размеренных вдохов-выдохов, он выдохнул воздух через нос, и постучал в дверь дома. Тут же открылось окно, и соблазнительный альт соседки Нины пропел: – Входите, мы вам очень рады, гости дорогие.

Удивленный психолог вошел в дверь. В сенях он с полминуты стоял в легком ступоре – думал, не аферистки ли эти женщины, которые, судя по всему, его считают за афериста. Ведь женщины – они всегда немного аферистки. А здесь, после Коляна, Ольги и Оксаны... Впрочем, все это – мнение их о «золотой девочке», Николае, Ольге, и о нем самом – нужно выяснить... Заодно и доказать, что им нечего бояться. Ведь им и вправду нечего бояться. И, конечно же, они не должны подозревать, что это тестирование сельчан на предмет психической неуравновешенности – афера, так же как и, собственно, неожиданный визит в эту деревню «золотой» дочери губернатора Кудинова.

– Здравствуйтесь, – Костя с вежливой улыбкой кивнул женщине. – Я Константин...

– Мне уже Надежда Ивановна рассказала, – мягко перебила Нина, подходя к гостю и протягивая ему ладонь. Ладонь была немного не женская – чуть широковатая, крепкая. – А я – Нина, соседка хозяйки. Вы, значит, будете тестировать всех сельчан?.. Вы садитесь, не стойте.

Психолог присел на диван чуть поодаль от бабы Нади. Нина уселась напротив его, на стуле. Теперь их глаза на одном уровне – значит, можно хорошо видеть, правду говорит гость, или что-то химичит. Хотя, судя по нему, не может он что-то химичить – он производит впечатление предельно честного, даже немного закомплексованного человека. Вполне возможно, что это и есть психолог, приехавший в Сосново с целью тестирования жителей. Только вот зачем?.. Об этом можно узнать, только спросив сразу, в лоб.

– Константин, вы вот тестируете людей – это зачем? Для кого? Для чего? Вам, похоже, самому это не надо... – Заметив во взгляде гостя некоторое смущение, Нина поправилась: – Ну, в смысле, для себя вам это ведь не надо... Кто вам задание дал? Неужели губернатор? Неужели его дочке и вправду так беспокоило за наше общество?

– Трудно поверить, понимаю, – ответил Константин Евгеньевич, отводя взгляд от собеседницы и неуверенно потирая подбородок. Этим жестом он пытался скрыть еле заметную усмешку. Нина, говоря о «золотой девочке», сама дала ему материал для ответа. Теперь остается только придать этому ответу неоднозначность и психологическую состоятельность. – Сам с трудом верю. Но я и Колян... простите, Николай...

– Что за Николай? – встревожилась женщина.

– Тот аферист, – с легкой усмешкой пояснила баба Надя.

– Да, – согласился Костя, натянуто улыбаясь. – Только никакой он не аферист. Просто лезет куда не надо и хочет того, чего хотеть не надо. Вернее, пока не надо. Ну так вот, я отвлекся... Я и Колян... Простите...

– Ладно, – с усталой улыбкой отмахнулась Надежда Ивановна. – Колян – это тоже имя. У нас тоже Митьки, Сержики, Вованы.

– Ну, хорошо, значит, Колян и я – направлены в деревню именно по нештатному приказу дочери губернатора. Не по его инициативе, конечно. По инициативе всех, кто с ним связан. Ведь эти «золотые» дети – сами знаете...

– Не знаем, – после короткой заминки ответила Надежда Ивановна. Соседка поддержала ее рассеянным кивком.

– Ну, после ее рассказов – о том, что здесь много вампиров и много людей пьет, ведет беспорядочный образ жизни, некоторые гуманитарные деятели обеспокоились, – и, пожалуйста, штаб дает задание. В общем, мы должны выяснить, что экологически чистой деревне Сосново ничто не угрожает. – Поняв по лицам женщин, что те его до сих пор не совсем понимают, психолог внушительно добавил: – Ни снаружи, ни внутри. Исследования показали, что Сосново – самая социально здоровая деревня, и экологически чистая...

С полминуты женщины сидели в тяжелой задумчивости. Костя, нетерпеливо теребя колени кончиками пальцев, ждал ответа. К его удивлению первой ответила хозяйка.

– Ну ладно, раз надо – так надо. Правда, Нина?

Нина ответила вялым кивком. Потом недолго подумала, и задала психологу вопрос: – А почему вы будете проверять внутри только тех, кто связан с вампирами... Что вы удивляетесь? Это ведь не коматозники, а вампиры...

– Если можно – объясните, пожалуйста, популярно. – Попросил Костя. Ему это было вовсе не нужно. Он уже знал, что одни считают эти «случаи вампиризма» фантазиями сумасшедших того времени, а другие – что это были действительно коматозники, которые после погребения выходили каким-то образом из своих могил. Ему нужно было просто время – для того, чтобы придумать очередное доказательство своей аферы.

– Это было давно. Сосново тогда называлось Урдинка. В соседнем поселке начался вампиризм. Несколько людей были похоронены. Потом вышли...

– Это мне уже известно, – мягко прервал Костя. – Почему вы считаете это вампиризмом, а не...

– Выходит, может... – С некоторой неуверенностью ответила Нина. – Ведь не соседи же людей мучили.

– Да-да, – поддержала Нину баба Надя. – И сами «мученики» не будут же сочинять эти ужасы.

– То есть, это вывод априори. – Заключил психолог. – Ну, так или иначе, не важно, вампиры это, или заживо погребенные, нужно принять все меры, чтобы влияние этого кошмара не просочилось сквозь время... Не понимаете, конечно же. Это нормально. Не все знают, что такое вещество как перинатальное влияние – это средство, которое может быть очень страшным. Перинатальное влияние может быть простым – передаются, например, качества. Отец был военным – сын тоже захотел. Мать была швеей – дочь тоже искусная швейка. И так далее. Но это, понимаете, не вся область этих влияний. У человека сознание – это, понимаете-ли, то, что очевидно. А то, что...

– До сознания, – Баба Надя помогла гостю найти подходящее слово.

– Да, именно до сознания. Вот это до-сознание – это на самом деле фундамент. Чтобы он был прочным, нужно весь материал исследовать. Если у человека гены пьяницы, деспота – это плохо. Но это почти очевидно, по крайней мере для тех, кто его более-менее знает. А вот если человек унаследовал до-сознательную память жертвы коматозника... – Костя величественным жестом снял очки, строго оглядел женщин исподлобья. – Это может плохо кончиться. Или

плохо начаться – для их потомков. Тысячу лет может быть все хорошо. Десять – пятнадцать поколений будут жить в мире и согласии, а потом родится ребенок, аутентичный, творческий, немного не от мира сего – и пиши пропало, – если, конечно, он унаследует этот яд – до-сознательную память жертвы вампира. Или, как вы выражаетесь, мученика.

– И некто в городе забеспокоился – чтобы в деревне никто не родился с памятью о вампирах? – недолго подумав, спросила Нина.

– Понимаете, это нужно им для поднятия имиджа. Но в этом еще и польза, которую они, гуманитары чертовы, не знают. Многие дети рождаются с неосознанной памятью о душевных травмах. Так и живут – до поры до времени. Потом – либо суицид ни с того ни с сего, либо асоциальное поведение. А так – у них будет результат на лицо. Этот узел – эту проклятую до-сознательную память о плохом – можно срубить на корню, даже в солидном возрасте. Только для этого его нужно найти. Еще вопросы?

– Все же, Константин, – встревоженно обратилась к психологу Надежда Ивановна. – Зачем вашим гуманитарам это – знать, у кого какие перинатальные влияния?

– Да-да, – бойко поддержала ее Нина. – Ведь польза от этого – только психологам, – наши сельчане будут обращаться к городским специалистам – потому что у нас психологов нет...

– Вот теперь переходим ко второй части собеседования, – с довольной улыбкой ответил Костя. – Если некто из Сосново начнет асоциально себя вести, и это будет пагубно для всего селения, то виноват в этом будет, конечно же, он сам. И чтобы знать, что виноват он сам, а не некий заговор... В последнее время много видов гриппа... Знаете, почему?.. Ну вот и этот вампиризм...

– Константин Евгеньевич, – с лукавой улыбкой перебила Костю баба Надя. – В то время это не могли быть никакие политические войны. Войны в то время были только военные, или общественные.

– Надежда Ивановна, – Нина нежно потеряла плечо старушки. – Зато сейчас могут быть. Понимаешь?

– Правильно. – Облегченно усмехнулся Костя. – Сейчас могут быть. Про «случайность» гриппа все уже знают. А про это – нет. Вот, чтобы знать, что социопат, который ранее был человеком вполне здоровым и хорошим, стал таким именно из-за психической несостоятельности, нужно и провести этот тест. Чтобы было понятно, что это ни некий заговор, политическая война, а именно индивид, которого надо изолировать от общества. А политическая война, кстати, могла быть и тогда. Только без воздушно-капельных штук. Ведь началось все в соседнем поселке?.. Потом быстро перебралось на ваш. Города-соседи перенимают друг у друга моду.

– Вы считаете, что это была мода? – мягко возразила Нина.

– Ну, нечто вроде того, я полагаю. Только политичнее – потому и проблематичнее. Ну, я все сказал. Вопросы, возражения...

Костя с душевной улыбкой оглядел женщин. Нина с легкой улыбкой дернула плечом и, сославшись на домашние дела, заспешила домой. Баба Надя проводила ее до сеней. В сенях они недолго пошептались. Потом Надежда Ивановна поблагодарила гостя за беседу, и предложила пообедать. Костя уже был немного голоден, но от обеда отказался. Сказал Надежде Ивановне, чтобы обращалась в случае, если у нее или у кого другого возникнут вопросы, к нему по телефону. Вручив хозяйке свою визитную карточку, он поблагодарил ее за теплый прием, и, довольный исходом дискуссии, ушел.

Выйдя со двора, Костя прошел несколько участков. Затем набрал номер Коляна, и сказал ему: – Все, все о'кей, Коля. Теперь твоя очередь...

Неохотно попивая кофе вприкуску с круассаном, Софья Кудинова поглядывала в окно. Через окно столовой хорошо было видно и слышно, как ее супруг дает интервью молодой журналистке. Это интервью называлось «типа экспромт-интервью», и именно поэтому ей было интересно смотреть как муж-чинуша, отвечая на вопросы, задействует свой артистизм и смекалку. Впрочем, с артистизмом дела обстояли лучше. Софья Анатольевна потому и полюбила его – что он был артистичным и незамысловатым парнем. Прошло уже почти двадцать пять лет с момента их знакомства, и сейчас он, уже постаревший и помрачневший, остается таким же отзывчивым, немного недалеким и артистичным.

– Сергей Николаевич, вы последнее время занимаетесь социальным положением близлежащих деревень. Это вызвано плохим социальным положением поселков? Или это больше связано с экономикой области?

Журналистка говорила немного бесцветно, но для тех, кто будет смотреть это «экспромт-интервью» по местному телеканалу, и в голову не придет, что это запланированное интервью с заранее вымученными в голове ответами и вопросами. И никто никогда не узнает от Леночки-журналистки, что это интервью заранее подстроенное, и что сама она никогда не была настоящей журналисткой. А о том, что она бросила ради этой «журналистской» деятельности работу «девочки по вызову» в сауне, даже не знает и сам Сергей Николаевич. Наверное, потому он и смотрит на эту в меру пригламуренную девчужку с любовью и легкой отцовской радостью, безо всякого намека на отвращение и брезгливость.

– Вообще-то, сейчас мы сосредоточены на поселке Сосново. Там, знаете-ли, такой случай – многие боятся вампиров... – Губернатор усмехнулся, глядя на выпученные глаза Леночки. – Все нормально, не так однозначно все, девушка. Дело в том, что там давно-давно был самый настоящий вампиризм... Да, такое бывает. Это не когда подростки-придурки переодеваются в вампиров, а когда покойники приходят к своим родным в виде некоего такого фантома... В галлюцинации конечно же. Доктор Ерошкин... Знаете такого?..

Девушка, изо всех сил заставляя себя не выпучивать глаза от удивления, кивнула.

– Ну, Ерошкин определил, что такие случаи могут быть признаком расстройства психики. А с одним токарем случился именно такой случай. Вот надо и выяснить – один такой случай там, или их несколько. Если их несколько – это уже, знаете, плохо. Деревни должны быть социально здоровыми. В городах есть спецы, а там – нет. А области, Леночка, нужно социальное здоровье всей области, – тогда и экономикой можно будет заниматься. Правильно?

– Здесь я не совсем понимаю... – Леночка выдавила виноватую улыбку. Этот вопрос был не запланированным.

– Ну, чтобы процветать материально, нужно ведь быть нормальным человеком. Тогда и здоровье будет, и личностный рост, и достаток материальный. – Губернатор незаметно подмигнул «журналистке» – чтобы закончила разговор на эту тему, и перешла к запланированным вопросам.

"Вампиризм в Сосново – это выдумки Оксаны. Вернее, даже не ее, а ее подруги, которая как-раз по социальному развитию ее ничуть не превосходит. То, что Оксане стало в Сосново не по себе через два дня – это неудивительно... Как может чувствовать себя нормально в деревне «золотая молодежь», которая не представляет жизни без ночных клубов и тусовок!.. А случай с умалишенным токарем – это никакой не признак вампиризма... Да пусть! Пусть Сережа покорчит из себя чрезмерно гуманного губернатора, крайне озабоченного душевным состоянием деревни! Пусть все, после просмотра этого «неожиданного» интервью, знают, что он не только губернатор-экономист, но еще и бдит о самочувствии каждой души своей губернии. И пускай все думают, что эти молодые люди, оценивающие деревенщин на предмет вменяемости, преследуют не какую-то свою цель, а посланы туда бдительным губернатором. Ведь никто не знает, что сам губернатор только позавчера узнал об этой социально-психиатрической экспертизе!.."

Мысленный монолог Софьи Кудиновой прервал еле слышимый скрип двери. Это в столовую вошла дочка. Она была как всегда немного невыспавшейся, не собранной, хоть вчера и не посещала свой любимый клубешник, и даже не потребляла слабоалкогольных напитков. Кстати, она уже неделю не посещала клубы... Может, понемногу становится социально здоровой?.. Почему бы и нет?.. Дурной наследственности у нее нет, возраст уже вполне взрослый. Сама Софья Анатольевна в этом возрасте уже даже не интересовалась дискотеками, хоть в ее время они были на порядок культурнее нынешних, и найти себе ухажера в подобном заведении не считалось дурным тоном. Да и кавалеры тогда ухаживали на порядок лучше сегодняшних «папенькиных сынков».

– Оксана, ты какая-то сонная, – мать привычно улыбнулась дочери, пригладила ее не расчесанные волосы, разбросанные по плечам.

– Да, – дочь устало улыбнулась. – Я всю жизнь сплю и не высыпаюсь.

Эта банальная фраза заставила Софью Анатольевну задуматься. На подобные замечания дочь либо отвечает с легкой грубостью, либо просто игнорирует. А теперь – даже ничуть не возмутилась, и вроде бы посмотрела на себя критически. Неужели становится действительно взрослой?..

– Знаешь, мама Соня, я почему-то в Сосновке высыпалась, хоть мне там и было жутковато...

– Надо тебе туда еще съездить... Жениха найти... В деревне парни хорошие – работающие, любящие... – С каждым словом мать глядявалась в глаза дочери, опершейся на ее плечо, и к своему удовольствию, отмечала, что дочь всерьез раздумывает над ее словами. – Да нет, просто съездить. Там природа, воздух чистый. А женихи – это дело твое, здесь я тебя не насилую. Да, доча?

Оксана медлила с ответом, висела у матери на плече, вяло барабаня своими разноцветными ногтями по ее голове. Софья Анатольевна встала из-за стола, усадила дочку на стул: – Давай, позавтракай, а потом решим – куда тебе ехать, что тебе надо...

Наполнив чайник водой, мать услышала трель мобильного телефона. Это звонит Ольга, лучшая подруга дочери... Опять эта нимфетка собьет Оксану с панталыку, опять дочь придет под утро, и проснется около пяти часов вечера!.. Надо бы поговорить серьезно с этой Ольгой!.. Софья Анатольевна хотела выхватить телефон из рук дочери, но та мягко отстранила ее руку: – Мам, я тоже ее не люблю, не бойся... Алло... Да, Оля... Угу. Нет, знаешь, мне срочно нужен перерыв от клубешников... Что-что ты говоришь?..

Оксана прослушала очередную оживленную реплику подруги не потому, что была невнимательна при разговоре, а потому что загляделась на мать, которая в благоговении сложила ладони и чуть не расплылась в блаженной улыбке.

– Это да, но, знаешь, я решила оттянуться по-другому... Да, на природе... В Сосновке... Да Сосново, Сосновка, – какая к е...ням разница... Я сегодня еду... Да, а чего ты такая вдруг удивленная-изумленная?.. Ты всегда «просто». Ну ладно, созвонимся, пойду проведу своего автогидика.

Положив телефон на стульчик, Ольга вылезла из ванной. Наспех обтершись и набросив на голое тело халат, она ушла в свою комнату – чтобы привести в порядок волосы и навести макияж. Затем набрала номер Коли: – Алло, мой дорогой... Я знаю, ты меня конечно же очень любишь после всего, что я натворила... Но сейчас ты уж точно должен меня любить, хотя бы немножечко... Я заставила Оксаночку снова поехать в Сосновку... В Сосново, да-да... Нет, я не ошибаюсь, мой котик. Если она пошла к своему автогидику, – значит, она, если ни сегодня, то уж точно завтра будет в поселке... Кто такой автогидик?.. Это шофер. Он ей показывает все достопримечательности губернии из окна автомобиля – потому и автогидик... Что ты говоришь?.. Хар-р-раш-ш-шо! Виш, как я поднимаю твое настроение. Ты просто обязан мне всем

своим психосоматическим состоянием... Да, так говорит Костя, я знаю. Кстати, Костя должен у меня проходить ликбез – так ему и скажи... Это я должна пройти у него проверку на вменяемость?.. Угу!.. – Резко сбросив соединение, Ольга с остервенением швырнула телефон на диван, пнула ногой проходившую мимо Ванессу. Кошка, уже привыкшая к поведению взбалмошной хозяйки, даже не поглядела в ее сторону, с недовольным урчанием выбежала из комнаты.

13

– Почему вы не играете в театре? Все известные актеры не пренебрегают этим... – Ведущая, как всегда, ерничала. Пригласив актера на передачу, Ксения Анатольевна восхваляла его – словно божество, соизволившее заглянуть к ней за ничтожный гонорар. Басманов знал, что все эти восхваления – глупые женские завлекашки, и на самом деле она его едва ли считает человеком. Сейчас она это бесцеремонно подтверждает.

Ксении Анатольевне уже пятьдесят лет, но она держит фасон молоденькой гламурной стервы. Выйдя замуж за известного комика, ниже ее на полторы головы и толще на четыре размера, она даже не взяла его фамилию. В интервью как-то сказала, что сделала это в пользу своего ток-шоу – дескать, так шоу лучше выглядит – когда его ведущая – Ксения Дубак, а не Ксения Севастьянова. Последующие три вопроса из интервью – «но ведь замуж вы вышли лет пятнадцать назад... Вы уже тогда знали, что лет через пять будете вести «Звездный экспромт»?», «зачем тогда у вас яркий макияж и девичьи наряды – если шоу и так неординарно смотрится?», и «почему ваша передача становится все серьезнее и скучнее?» – вырезали – по просьбе Дубак, которая, не подобрав нужных слов, просто причислила эти вопросы к этически некорректным, а по окончании интервью ядовито подмигнула ведущей: – Девушка, такое поведение может принести вред здоровью!

– И моральному тоже, – тут же нашлась бойкая ведущая. Буквально через два дня ее нашли в заброшенном парке в бессознательном состоянии с разбитым лицом и разорванной блузкой. Через месяц она ушла из передачи «Рандеву со звездой», умолчав о причине увольнения, и больше не появлялась ни в каких передачах.

Неприязнь Олега Басманова к Дубак стала еще большей, когда он прочел эти подробности в газете полтора года назад. И она почти не остыла до этого момента. Он и не хотел идти к ней – боялся, что сорвется, не вытерпит ее едких заигрываний и глупых вопросов. Его вынудила на это острая материальная нужда. Режиссер, обещавший ему роль, также пообещал немалый аванс. Не верить этому режиссеру, которого знали не только как «второго Александра Митту», но и как человека высшей порядочности, не было никаких оснований. Басманов отдал почти все деньги на погашение автокредита, а «второй Митта» внезапно скончался от сердечного приступа. Вот теперь сиди перед этой великовозрастной гламуркой и отвечай на глупые вопросы за двести «зеленых», которых хватит едва ли на неделю.

– Ну, это неправда, – ответил после короткой заминки Басманов. – Например, Катрин Денев категорически не играла в театре. Но у нее было свое отношение – для нее это была такая, как бы, социально-эмоциональная помеха в основной деятельности.

– А у вас, Олег Николаевич, есть свое отношение к театру? Можно его узнать?

– Да пожалуйста. Я боюсь, как бы это сказать, власти над зрителем. – Заметив, как глаза светской львицы чуть сузились, а губы сложились в бордовую ленту, актер ухмыльнулся в душе. Какая она примитивная, эта Ксения Дубак, когда человек просто открывает перед ней душу. – В спектакле актер – это колдун. Надо быть либо очень одаренным артистом, либо просто колдуном, – чтобы не загигаться от того, что ты завладеваешь душой зрителя. А в театре, вы сами знаете, в основном ведь ходят впечатлительные личности...

Ксения Анатольевна поняла, что слова «вы ведь знаете» – это ответный удар на ее ёрничанье. Все знали, что светские львицы вроде нее предпочитают, мягко говоря, немного иные

развлечения. Ну, ничего, еще двадцать минут передачи – и этот мизантроп-интеллектуал свое получит.

– Тогда позвольте более глубокий вопрос о душе...

– О душе зрителя? – уточнил актер. – Или актера?

– Вообще, о душе. Она ведь у всех есть – у актеров и у зрителей.

– Да, – Басманов стал крайне серьезным и поднял указательный палец: – Здесь вы правы как никогда.

Опять «ударяет», подумала Ксения Анатольевна. Сволочь!.. Ну, ладно! Я тоже умею!

– Вы не исповедуетесь, правильно?.. Причем, решительно отказываетесь от этого. Но вы в тоже время и православный.

– Насчет категорического игнорирования исповеди – это перебор, интернет-вранье. Я не игнорирую церковь. Просто, так сказать, не имею необходимости во всех православных ритуалах.

– Православный духовный человек, переживающий за чужие души, игнорирует основные методы духовного развития своего «второго дома»? Олег Николаевич, вы либо здесь, либо там что-то не договариваете.

– Если честно, я потому и почти игнорирую церковь – что ее основной метод духовного развития – ритуалы, которые кроме кратковременного успокоения не имеют никакой пользы для души.

– То есть, вы православный актер, который недолюбливает церковь и театр?

– Ну, пусть будет так, – с меланхоличной улыбкой согласился Басманов.

Один-ноль – теперь в мою пользу, – мысленно отметила Дубак. Осталось одно очко – и ничья.

– Но как же так?

– Понимаете, Ксения Анатольевна, я не загипнотизирован церковью. Церковь – это ведь тот же театр. То же колдовство. Там свой сценарий, артисты – хор вкупе с батюшкой. Причем, хор правый и хор левый – как и положено в античном театре, – для полного эффекта. Актер перевоплощается в самого последнего мерзавца в спектакле – также как и священнослужитель скрывает свои бессознательные мотивы под маской посредника между богом и человеком. Также...

– А в кино, – нетерпеливо перебила ведущая. – В кино разве человек не перевоплощается? Или кино – это более примитивное искусство?.. – Глядя на интервьюируемого, который медлил с ответом, светская львица ликовала в душе. Вот тебе и снова один-ноль не в пользу интеллектуала. – Или это вы – халтурщик, а не актер?

– Ну, можно и так сказать. Я не перевоплощаюсь в плохих персонажей. Я ментально выполняю другой план – как бы внешне параллельный эмоциональному плану моего гадкого персонажа. Например, когда я играл разбойника в «Гуляй, поле», я проживал другую жизнь, все зло росло из других мотивов, а внешне – ни дать ни взять моральный урод.

– То есть, жалея души своих партнеров, вы больше жалели свою?.. Получается так.

– Получается так. – Согласился Олег Николаевич.

Есть! Теперь счет – один-ноль в мою пользу. Ну и хватит. Теперь можно поговорить о ближайших планах культового актера.

– Ну вы, хоть и халтурщик, но все же культовый актер. Вроде бы (может это опять вранье инета) вы собираетесь сняться в роли следователя в каком-то провинциальном фильме?

– Ну, здесь конечно ни без вранья. Фильм должен быть не провинциальный, в нем задействованы люди из провинции – в массовке. Еще в нем будет фигурировать особнячок из поселка. А я играю... должен играть помощника следователя. Фильм называется «Ангел страсти».

– «Ангел страсти»... – Воодушевленно повторила Ксения Анатольевна. – По одноименному роману?

– Да.

– Я обязательно посмотрю.

– Мне будет очень приятно.

– Мне тоже.

Оставшиеся несколько минут они говорили о социальной значимости фильма, который на самом деле уже никто не собирался снимать. Дубак почему-то не знала, что режиссер недавно ушел из жизни. Олег Николаевич и не посчитал нужным ей об этом сказать.

Покинув студию, Басманов зашел в бухгалтерию, получил гонорар. Увидев в окно быстро, он грустно вздохнул. Ему дали двести долларов двумя стодолларовыми банкнотами... В быстро такими не считаешься. А есть очень хочется. А своих денег – только на бензин, который уже очень скоро понадобится.

Усевшись за руль автомобиля, Басманов проверил уровень бензина. Потом вынул из барсетки мобильник. Разблокировав экран, Олег Николаевич вспомнил поговорку, которую недавно прочитал в социальной сети: «если тебе никто не звонит – займись делом, или ляг спать – и тебе позвонят сто раз». Так оно и есть – он занимался делом чуть более часа, а уже позвонили бесчисленное количество раз. Причем, все разы – с одного и того же номера. Это номер Николая Ухабова. Колян звонил целых двенадцать раз.

Олег Николаевич включил громкую связь, набрал номер Ухабова, устало бросил телефон на соседнее сиденье.

– Олег Николаевич... – Колян ответил после первого гудка. – Есть композиция.

– Какая композиция? – с легким недовольством спросил актер. – Что ты опять химишь?

– Денежная композиция. Приезжай, дорогой. В этот раз все будет чин-чинарем. И заплатим, и работу хорошую дадим.

– Ты по-человечески сказать можешь?

– Могу конечно, Олег Николаевич. Приезжай – скажу по-человечески. Не пожалеешь, гадам буду.

– А может ты подъезжай – быстро на Пушкинской, у дома, где студия телеканала «Шторм»?.. Заодно шашлычком меня угостишь.

– Нет, давай ты к нам.

– К вам – это к кому?

– Ко мне и к Косте Сомову.

К Косте Сомову – это серьезно, – подумал Олег Николаевич. Костя Сомов, в отличие от Коли Ухабова, не зовет к себе, когда хочет попросить денег в долг. Да и аферу вроде той, что недавно предложил Колян, Сомов тоже не предложит. А если и предложит какую аферу – так это, как говорится, будет стоить того. И не надо будет играть роль придурка, влюбленного в дочь губернатора. А впрочем если и надо будет – так это тоже будет стоить того. Умный и хороший человек ведь дурного не попросит.

14

Ларочка, обнюхивая камни, брезгливо опускала на землю лапы. Ее усатая мордочка мелькала меж буйных кладбищенских сорняков. Приблизившись к оградке, кошка потерлась бочком о железные прутья и, томно повилыв хвостом, последовала дальше. Пройдя небольшое расстояние, она тревожно оглянулась. К одной из могил осторожной, немного неуверенной, походкой шел человек. Одет человек не как сторож – вместо бесформенных одежд на нем комбинезон, роба и панамка, закрывающая его лицо наполовину. В руках у него лопата. Явно человек замыслил что-то недоброе.

Подойдя к могиле, человек оглянулся вокруг. Заметив два блуждающих огонька в темноте, замер на месте, но быстро взял себя в руки. Эти огоньки он уже видел – когда стоял на этом же месте в такое же время, в обществе Артема Ухарева.

– Ларочка, – тихо позвал Колян кошку. – Кис-кис.

Ларочка недолго помешкала, сделала несколько шажков, и замерла, пристально изучая человека. Николай стоял, вонзив лопату в землю у самой могилы, улыбаясь Ларочке глупой холодной улыбкой. Кошка пристально смотрела на него, замысловато повиливая своим пушистым хвостом. Решив проигнорировать непонятного человека, животное двинулось к сторожке.

– Давай-давай, Ларочка, иди к хозяину, – с ехидной улыбкой прошептал Ухабов, глядя вслед Ларочке. – составь ему компанию.

Кошка, будто поняв его слова, беспокойно обернулась, ускорила шаг. Подойдя к сторожке, она еще раз оглянулась. Колян к тому времени уже во всю мощь орудовал лопатой, вскапывая могилу. Будто бы почувствовав на себе взгляд кошки, он нехотя обернулся, с усмешкой погрозил Ларочке пальцем: – Никому не рассказывай, Ларисочка! Ни-ко-му!

Кошка, будто поняв всю курьезность происходящего, метнулась в приоткрытую дверь сторожки. Увидев сторожа, спящего за своим столом, Ларочка тревожно замурлыкала. Яким спал мертвым сном, уронив голову на хлипкий стол. По всей сторожке витал едва заметный желтоватый дымок, отдающий ароматом, приятно ласкающим нюх. Такого тонкого, слегка пьянящего аромата Ларочка никогда не знала. Замерев на месте, она жадно втянула носом аромат, сладко облизнулась. Затем неприятно сморщилась, фыркнула, направилась к двери. Не дойдя до двери, кошка лениво прилегла на бок, и почти мгновенно уснула.

15

Услышав резкую трель, спящий Басманов встрепенулся в кресле-качалке, сделал несколько резких рывковых движений, и пошел к двери. Сдернув трубку домофона, он небрежно бросил: – У аппарата!

– Олег Николаевич, это я, – ответил голос Ухабова. – Извини, задержался маленько.

– Наконец-то! Сябр лепший! А я уже и не ждал. Ну, входи, дорогой. – Нажав кнопку-разрешение, Олег Николаевич повесил трубку, и ушел на кухню. Не успел он заварить кофе, как в дверь позвонили.

– Быстрый, однако! – с легким удивлением буркнул Басманов, роняя ложечку с кофе в чашку. – Иду, иду.

Впустив Николая, Басманов с некоторым любопытством рассматривал его одежду: легкое кожаное пальто, с заметными потертыми трещинами на плечах, помятый костюм моды шестидесятых годов. Любопытство было вызвано тем, что Ухабов никогда так не одевался ранее. Он всегда одевался, если не с иголки, то уж не в потертую одежду, и никогда не позволял себе появляться на людях в мятом костюме.

– Входи, человек, чайку-кофейку попьем. – Олег с надменной ухмылкой похлопал товарища по плечу, и, поймав в его взгляде легкое недовольство, расплылся в теплой меланхолической улыбке: – Ты не смотри так, это я подготавливаюсь для роли.

– Да за ради бога, – Николай понимающе улыбнулся. – А как ты после последней роли себя чувствуешь? Не плоховато тебе?

– Было дрянно на сердце, честно тебе сказать. Но сейчас все прошло. Вообще, не столько прошло, сколько вот новая работа помогла. Вообще, все должно проходить – если тебя ничего не связывает с этим архетипически. Понимаешь меня?

– Не совсем, – отстраненно бросил Ухабов, снимая ботинки. – Вы с Константином Евгеньевичем, конечно, люди начитанные, и слушать вас сверх-интересно, но что толку слушать –

если все равно ни хрена не бельмесишь в ваших терминах. Ну ладно, пойдем, чайку попьем, коли предлагаешь.

Раздалось злобное урчанье. Это Чара, крупная восточно-европейская овчарка вошла в прихожую и почему-то ощутила неприязнь к гостю хозяина. Басманов погладил собаку за ушком: – Не нравится тебе новый гость, да? Это свой, Чара. Свой.

– Николай, – представился Ухабов, душевно улыбаясь овчарке. Присев возле Чары на корточках, он протянул ей руку: – Будем знакомы?..

Но Чара сочла этот жест чем-то унижительным. Звонко гавкнув, она резко развернулась, и ушла в комнату.

Басманов, глядя на реакцию животного, задумался. Обычно Чара никогда не проявляет недовольства, если для него нет более-менее серьезного повода. Ухабов – вроде бы человек неплохой... Странно. Чаре уже почти пять лет – это почти тридцать пять, если перевести на человеческий возраст. То есть, до старческого маразма еще очень далеко. Впрочем, животные умеют чувствовать то, что люди либо недочувствуют, либо не совсем правильно понимают.

– У собак свои причуды. Пойдем.

Они зашли на кухню. Олег наполнил чашки кофе, поставил на стол тарелку с бушкетками.

– Ты бы, Олег Николаевич, видел ее лицо. Она теперь «Мартини» будет до конца жизни бочками пить.

– Я надеюсь, все будет куда легче. – Не без сожаления ответил актер, присаживаясь напротив гостя. – Вообще, не надо так жестко над женщинами издеваться. Они все на самом деле лучше мужиков.

– Но почему-то большинство их – дуры. – С саркастической улыбкой заключил Ухабов. – Или ты так не считаешь?

– Вообще, конечно же, да. Но они такие – потому что как-раз таки не видят мотива не быть дурами. Посмотри на сегодняшних мужиков. Что у них в приоритете?.. Тачки, телки, клубы, «точки». Как женщинам выделять среди них достойных – если у всех одни и те же приоритеты?.. Только так – будучи полными дурами. Ладно, к черту философию... Ты реализовал золото-брильянты?

Колян резко изменился в лице – стал немного мрачным, отчужденным. Рука с чашкой кофе еле заметно затряслась. Еще бы... Позапрошлой ночью он, изнемогая от страха быть замеченным, вскрывал могилу. Для этого он позаботился о временно отсутствии сторожа, но все же не бояться было нельзя – поскольку его все же могли заметить. В два часа ночи вряд ли кто наведается на кладбище, но, как говорится, всегда находится какое-нибудь «но». И это «но» грозило приличным тюремным сроком. Затем он мужественно подавлял безумное желание все бросить и убежать от едкого тошнотворного запаха, исходившего от трупа почти вековой давности. Потом, уже засыпав могилу землей и наведя прежний порядок, озирался по сторонам, снова боясь оказаться замеченным – поскольку в этот раз ему грозил бы уже другой срок – ведь в карманах его робы уже были драгоценности – кулон на золотой цепочке, кольцо из червонного золота и несколько перстней, которые он снял с полуистлевшего покойника. А теперь этот актер, возомнивший себя очень большим философом, сидит и с беззаботной улыбкой спрашивает его: «Реализовал ли ты золото-брильянты?»...

– Олег, ты не куришь? – глухо, будто к самому себе, обратился Николай.

– Нет. – Басманов удивленно вскинул брови, чуть не выронил чашку с кофе. – Что случилось, Колян? Рассказывай, не бойся, на меня можно положиться. О!.. товарищ психоаналитик звонит. – Актер вынул из кармана спортивного костюма жужжащий телефон. – Привет, Костя... Да-да, заходи...

Тут же раздался сигнал дверного звонка. Басманов метнулся к двери. Буквально через минуту он вернулся. Следом за ним зашел Костя. Вяло кивнув Николаю, он пожал ему руку, и незаметно подмигнул Олегу: – Пойдем, покажу тебе систему...

– Угу, Колян, обожди минутку, Костя мне одну ерундушку для компа покажет-расскажет...

Ухабов перевел поникший взгляд с окна на Олега, флегматично кивнул.

Войдя вслед за Олегом в небольшую комнатку, Костя прикрыл дверь и полупшепотом спросил: – Он тебе не говорил, что «попал»?

– Еще нет, – Актер не без ехидства усмехнулся. – Но моя Чара это уже почуяла. Пойдем, будем раскулачивать?

– Боюсь, придется, – после короткой заминки ответил психолог. – У тебя алкоголь есть?.. Нет, не для меня. Для него.

– Найдется, – недолго подумав, ответил Олег, вынимая мобильник. – Алло... Виктор Степанович... Добрый день. Как ваше здоровье?..

Оставшись один, Ухабов выплеснул остывший кофе в раковину, сполоснул чашку, и, усевшись на прежнее место, уставился в окно – на высокие акации, росшие у высотки напротив. Боковым зрением он видел, как в прихожей появились Олег и Костя, но не повернул головы. Также от него не укрылось, что у самого входа в кухню психолог негодуяюще покачал головой и шепнул что-то на ухо Басманову, а тот озадаченно повел бровями.

– Почему грустишь? – Олег с деланной надменностью хлопнул Колю по плечу. – А чего у тебя костюм такой немодный?

– Да еще и не по размеру, – добавил Костя, сочувственно улыбаясь.

– По размеру, – ответил Ухабов с плохо скрываемым недовольством. – Это просто мода такая. Пришлось старый костюм отца надеть... Вот такие вот дела, товарищи. – Украдкой глянув снизу вверх на недоумевающих товарищей, Колян встал и ни без труда заставил себя улыбнуться: – Но вы не волнуйтесь. То, что с меня причитается, я отдам. Слово мужика. Только не могли бы вы погодить?

– Что случилось? – почти в один голос спросили Басманов и Сомов.

– Случилось то, что именно в таких случаях – когда с тебя причитается честная законная доля – очень марает репутацию... Пришлось мне продать вещи, даже одежду. Пришлось также заложить драгоценности – вот потому и прошу вас подождать, товарищи...

– Ты можешь сказать, что случилось? – спокойно, но жестко потребовал Костя.

– Случилось! – сухо ответил Ухабов, тяжело опускаясь на стул. – Квартира, которую мы отдали под залог банку, теперь должна быть отдана... То есть, мой дом родной... А я, сами понимаете, бомжевать не могу – мне проще умереть, – потому и пришлось вот, стать полубомжем. Если вам, конечно, принципиально нужно, – продолжил Николай после недолгой заминки, – я могу ускорить процесс – сдавать еще и свою однокомнатку. Но...

– Но! – жестко перебил его Олег. – Не надо – раз такой случай. Правильно, Константин Евгеньевич?

– Правильно, – без особого энтузиазма ответил психолог, глядя куда-то мимо собеседника. – Подождем.

Они перевели разговор на общие темы. Вскоре в дверь позвонили. Олег Николаевич вышел из кухни, и буквально через миг вернулся. В руке у него был пакет, из которого он извлек две бутылки вина.

Разговор продолжился, уже с вином, вприкуску с фруктами и бутербродами.

После трех фужеров Басманов, уже будучи заметно нетрезвым, запротестовал: – Не, ребята, мне еще надо текст подучить... Хотя, я сейчас пойду, подучу, и вернусь. Окейна?

– Окейна, – в один голос ответили улыбающиеся Ухабов и Сомов.

Когда актер ушел, с лица Кости исчезла меланхолическая улыбка, а взгляд стал серьезным.

– Коля, ты вот работаешь патологоанатомом... – Неожиданно бросил он другу. – Так?

– Так, – не сразу ответил Колян. – И что?

- Скажи, Коля, понимаешь ли ты что в мозге?
  - Понимаю. – Коля ответил после недолгой заминки, но уже совершенно спокойно.
  - Тогда скажи, почему у ребенка с рождения атрофированы некоторые нейроны мозга.
  - Нет, в нейронах я не разбираюсь.
  - В общем, ты разбираешься только в мертвом мозге. Но ты как врач все же должен что-нибудь полагать-предполагать?..
  - Ну, я полагаю, что существует некий энергетический вампиризм, благодаря которому у ребенка уже в начале жизни теряется энергия, – и выражается это в первую очередь в нейронах. И, может, это первая стадия того, что случилось в Сосново сто лет назад.
- Глаза Сомова снова стали веселыми, губы скривились в блуждающей улыбке-ухмылке. Он быстро взял себя в руки, сел ровно, и, снова став совершенно трезвым и крайне серьезным, сухо произнес: – И здесь ты, Николай, хорошенько соображаешь...

16

Серый «бентли» медленно хромал по ухабистой дороге. Эта дорога, с частными секторами по обе стороны, начиналась от границы поселка с городом, и заканчивалась у самого завода. Сами участки состояли из домов, в основном небольших, с огромными огородами, хлевами, палисадниками и узенькими двориками.

Эта глинисто-песчаная дорога специально не покрывалась асфальтом – чтобы машины не мешали покою селян и не портили выхлопными газами природу Сосново. Дорога была основной частью улицы Шмырева. Всего в Сосново были две улицы – Шмырева и Романова. Раньше их было четыре. Но в позапрошлом году начали строиться пригородные участки, и эти улицы стали продолжением городских улиц.

– Мать идти их, эти бугорки! – полушепотом ругнулся шофер, завидев приближающуюся дорогу с частыми бугорками.

– Че? – подала голос «золотая дочь». – А, ухабинки не любишь?.. Эх, мне бы твои проблемы.

– Ну-ну, – ухмыльнулся шофер, переключая автомобиль на первую передачу и вжимаясь в сиденье. – Вот на тебе мои проблемы. Нравится?

– Это не проблемы, – бесцветно ответила Оксана, неуклюже покачиваясь из стороны в сторону. Казалось, она действительно недавно пережила нечто вроде конца света.

– А что ж проблемы? – уже безо всякого ехидства спросил озадаченный шофер.

– А проблемы – в том, что ко мне вчера явился самый реальный вампир, Валик. Представляешь?

– Представляю, – после недолгой заминки ответил Валик. Он никак не смог сдержать снисходительную улыбку, и девушка это заметила.

– Ни черта ты не представляешь! Ко мне реально явился вампир!

– Ну, да, – согласился шофер, ни без труда заставляя себя казаться серьезным. – Ведь в Сосново давненько жили упыри и вурдалаки. Сейчас наверно снова ожили. – Заметив в зеркале недовольную мину дочери губернатора, он извинительно улыбнулся: – Ну, как-то так, я ведь теряюсь в догадках. Ты рассказывай, рассказывай...

Это случилось позавчера, ночью. Оксана уже находилась в фазе медленного сна. Что-то заставило ее открыть глаза, прислушаться, и взглянуться в темноту. Со стороны окна виднелся темный мужской силуэт. Он медленно двигался в сторону кровати, на которой спала девушка. Гул проезжающего автомобиля, свет от фар помог Оксане понять, что перед ней самый настоящий вампир. Свет фар автомобиля, дошедший до окна дома, осветил ночного гостя. Это был мужчина, одетый в черный костюм очень старой моды, с густыми усами на бледно-желтом лице.

Оксана от страха вжалась в железную спинку кровати, приложила ладони к пульсирующим вискам, и дрожащим голосом глухо позвала хозяйку: – Надежда... Ивановна...

Хозяйка не ответила – так как ее не было в доме. Она ушла ночевать в летнюю кухню. Просидев неподвижно несколько минут, Оксана заставила себя глубоко вдохнуть и посмотреть в сторону окна. Вампир был на прежнем месте. Снова проехала машина за окном, и под светом ее фар было видно, что ночной гость медленно движется вперед.

Оксана спрыгнула с кровати и вылетела из комнаты, сильно стукнувшись локтями поднятых рук о фанерные дверцы и опрокинув стул, стоявший у стола в другой комнате. Добежав до входной двери, она с силой ударила по ней. Потом вспомнила, что эта несчастная деревенская дверь открывается нажатием металлического пяточка, приспособленного над ручкой двери, неуклюже открыла дверь. Девушка долго металась в сених, тщетно пытаясь найти выключатель. Неизвестно, что с ней бы было, если бы не появился Колян, бой-френд ее лучшей подруги Ольги.

Услышав тихий стук по двери, Оксана отчаянно выкрикнула: – Заходите! Заходите! Помогите!

Затем голос Коли Ухабова спокойно (удивительно спокойно для такой ситуации) сказал: – Я не могу – дверь закрыта с той стороны. – Затем, после короткой паузы, также спокойно добавил: – Оксана, выключатель на стенке у двери в хату, справа.

Оксана бросилась к стенке, трясущейся рукой нащарила выключатель, включила свет, затем отодвинула засов, удерживающий дверь с улицы.

– Ну, ты прямо как привидение увидела, – бросил недоумевающий Николай, входя в сени.

Оксана, в одной ночной рубашке, сквозь которую просвечивалось ее немного нескладное худощавое тело с маленькой грудью, тщетно старалась унять мелкую дрожь и учащенно дышала.

– Он там! – с трудом выговорила девушка, нервно моргая и указывая длинным фиолетовым ногтем большого пальца в сторону комнаты, из которой недавно выбежала.

– Кто? – спросил недоумевающий Колян, тщетно пытаясь убрать с лица брутальную улыбку-ухмылку. – Привидение?

– Вампир! – со слезой в голосе выкрикнула «золотая дочь», заламывая руки.

Ухабов не мешкая открыл дверь, вошел в комнату, включил свет. Оксана осторожно вошла следом за ним.

– В следующей комнатке. – Сказала она, тыкая указательным пальцем в сторону распахнутых дверей.

Колян как-то недобро глянул на Оксану, снисходительно улыбнулся, погрозил пальцем: – Не увижу упыря – с тебя большая поляна! Артистка театра и кино!

– Никакая я не артистка! – едва сдерживая плач простонала Оксана, но тут же взяла себя в руки, решительно бросила Ухабову: – Иди, посмотри!

Николай решительно вошел в дальнюю комнату, зажег свет, огляделся по сторонам. Никого в комнате, кроме него и «золотой девочки», не было. Состроив отрешенно-героическую гримасу, он повернулся к сконфуженной Оксане: – Вурдалак меня испугался. Поняла?..

– Он просто света испугался, – облегченно выдыхая ответила Оксана. – Но он был. Был! Я могу поклясться чем хочешь.

– Чем хочешь я тоже могу поклясться в чем хочешь, – бесцветно бросил Николай, не переставая снисходительно улыбаться.

– Ну, кем хочешь, – поправилась девушка. – Хочешь, клянусь памятью своей бабушки?.. Знаешь, кто была моя бабушка?..

– Не нужно, Оксана, оставь бабушку в покое. Не помнишь, где я оставил электронный блокнот? Я, собственно, за ним и пришел. Или, может, этот вурдалак стырил?.. – поймав колкий взгляд Оксаны, которая, казалось, сейчас начнет рыдать, Колян сменил смешливо-ехид-

ную мину на серьезную, обнял девушку за плечи: – Ладно-ладно, я верю, верю. Просто сам ни разу не видел ни призраков, ни вампиров.

Пересказав этот страшный случай, Оксана замолчала, ожидая услышать что-нибудь вроде удивления или легкого испуга от своего автогидика. Но тот лишь скорчил снисходительно-понимающую гримасу и безо всякого энтузиазма спросил: – И больше не приходил вампир?

– Это было вчера. Может, сегодня пришел бы, но я вот уезжаю. А ты вроде как не веришь, да?

– Верю, чего же не верить, – ответил Валик, удовлетворенно улыбаясь. Это удовлетворение было вызвано тем, что дорога с ухабинками почти закончилась, и впереди виднелся поворот на шоссе. – Как прошел опыт общения с жителями Сосново? Со многими общалась?

Оксана начала рассказывать шоферу опыт общения с жителями деревни. Через минут пять она смолкла. Глянув в переднее зеркальце, Валик увидел, что «золотая девочка» уснула.

Слава богу, хоть какая-то польза от этих ухабинок, подумал он. Укачали девочку – помогли заснуть. А насчет призрака – надо батьке рассказать. Пусть она в психушке посидит – хоть не надо будет бесполезно мотаться то туда, то сюда... Если эта дурнушка, конечно, не держит меня за лоха!..

17

Надежда Ивановна сомневалась в истинности случая, произошедшего с ее дорогой гостьей – поскольку та перед сном употребила немало спиртного. Об этом свидетельствовали пустые бутылки марочного вина, стоявшие у кухонного стола. Судя по рюмкам, с Оксаной Сергеевной были еще два человека, но пять бутылок вина – это немало, даже для трех алкоголиков со стажем. Однако, коматозника видела только Оксана. Кроме того, этот вампир – опять же, если верить словам дочери губернатора – очень похож на человека, умершего почти век назад.

Николай Ухабов, заглянувший к бабе Наде перед обедом, с томно-снисходительной улыбкой упрекнул ее в том, что она безоговорочно верит рассказам избалованной мажорки.

– Ну, я бы не верила, – плохо скрывая недовольство, запротестовала женщина. – Если бы не схожесть этого упыря с настоящим покойником. Костюм моды тех годов, черный, среднего роста, с густыми широкими усами!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.